

Истории американских индейцев

Зиткала-Са

American Indian Stories

Zitkala-Sa

Электронная книга историй американских индейцев проекта "Гутенберг"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Рассказы американских индейцев

Автор: Зиткала-Са

Дата выхода: 1 декабря 2003 г. [Электронная книга № 10376]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джульет Сазерленд, Бретт Кунс и команда онлайн-корректоров

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ" ***

ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Автор:

ZITKALA-SA (*Gertrude Bonnin*)

Индеец племени дакота - сиу

Лектор; Автор книг "Легенды древних индейцев", "Американизируйте первого американца" и других рассказов; Член Национального фонда женщин, Лиги американских женщин-писательниц и Вашингтонского салона

"Нет великого; нет малого; в разуме, который является причиной всего"

1921

Содержание

Впечатления индийского детства

Школьные годы индианки

Индийский Учитель Среди индейцев

Великий Дух

Мягкосердечные сиу

Путь испытаний

Дочь воина

Мечта Ее дедушки

Широко распространенная загадка женщины с Голубой Звездой

Индейская проблема Америки

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНДИЙСКОГО ДЕТСТВА

Я.

МОЯ МАТЬ.

Вигвам из потрепанного непогодой брезента стоял у подножия нескольких неровно поднимающихся холмов. Тропинка мягко вилась вниз по склону, пока не достигла широкого речного дна; пробираясь сквозь высокие болотные травы, которые склонились над ней с обеих сторон, она вышла на берег Миссури.

Сюда утром, в полдень и вечером приходила моя мать, чтобы набрать воды из мутного ручья для наших домашних нужд. Всегда, когда мама отправлялась к реке, я прекращал играть и бежал вместе с ней. Она была среднего роста. Часто она была печальна и молчалива, и тогда ее полные изогнутые губы сжимались в жесткую и горькую линию, а под черными глазами залегали тени. Тогда я вцепился в ее руку и стал умолять узнать, отчего у меня потекли слезы.

"Тише, моя маленькая дочь никогда не должна говорить о моих слезах"; и, улыбнувшись сквозь них, она погладила меня по голове и сказала: "А теперь дай мне посмотреть, как быстро ты сможешь сегодня бегать". После чего я рванула прочь на максимально возможной скорости, и мои длинные черные волосы развевались на ветру.

Я была взбалмошной семилетней девочкой. Свободно одетая в полоску коричневой оленьей кожи, с парой мягких мокасин на ногах, я была такой же свободной, как ветер, развевающий мои волосы, и не менее энергичной, чем скачущий олень. Это было предметом гордости моей матери — моя необузданная свобода и бьющий через край дух. Она не научила меня ничему, кроме страха навязываться другим.

Пройдя много шагов вперед, я остановился, переводя дыхание и радостно смеясь, пока моя мать наблюдала за каждым моим движением. Я не полностью осознавал себя, но более остро ощущал внутренний огонь. Это было так, как если бы я был активностью, а мои руки и ноги были всего лишь экспериментами для моего духа.

Возвращаясь с реки, я тащился рядом с матерью, держась рукой за ведро, которое, как мне казалось, я нес. Однажды, во время такого возвращения, я помню обрывок нашего разговора. Моя взрослая двоюродная сестра Варка-Зивин (Подсолнух), которой тогда было семнадцать, всегда ходила к реке одна за водой для своей матери. Их вигвам находился недалеко от нашего, и я каждый день видел, как она ходила к реке и обратно. Я очень восхищался своей кузиной. Поэтому я сказал: "Мама, когда я стану таким же высоким, как мой двоюродный брат Варка-Зивин, тебе не придется приходить за водой. Я сделаю это за тебя".

Со странной дрожью в голосе, которую я не мог понять, она ответила: "Если бледнолицый не отнимет у нас реку, которую мы будем пить".

"Мама, кто этот плохой бледнолицый?" - Спросил я.

"Доченька моя, он притворщик, болезненный притворщик! Загорелый Дакота - единственный настоящий мужчина".

Я смотрел в лицо моей матери, пока она говорила; и, видя, как она кусает губы, я понял, что она несчастна. Это пробудило месть в моей маленькой душе. Топнув ногой по земле, я громко закричал: "Я ненавижу бледнолицего, из-за которого плачет моя мать!"

Поставив ведро с водой на землю, моя мать наклонилась и, вытянув левую руку на уровень моих глаз, другой рукой обняла меня; она указала на холм, где были похоронены мой дядя и моя единственная сестра.

- Вот что натворил бледнолицый! С тех пор твой отец тоже похоронен на холме ближе к восходящему солнцу. Когда-то мы были очень счастливы. Но бледнолицый украл наши земли и загнал нас сюда. Обманом лишив нас нашей земли, бледнолицый вынудил нас уйти.

"Ну, в тот день, когда мы перевели лагерь, случилось так, что твои сестра и дядя оба были очень больны. Многие другие были больны, но, похоже, помощи не было. Мы путешествовали много дней и ночей; не так величественно и счастливо, как мы передвигали лагерь, когда я была маленькой девочкой, но нас гнали, дитя мое, гнали, как стадо буйволов. С каждым шагом твоя сестра, которая была не такой крупной, как ты сейчас, кричала от боли, пока не охрип от плача. У нее становился все более и более сильный жар. Ее маленькие ручки и щечки горели. Ее маленькие губки были пересохшими, но она не стала пить воду, которую я ей дала. Потом я обнаружила, что ее горло распухло и покраснело. Мое бедное дитя, как я плакала вместе с ней, потому что Великий Дух забыл нас!

"Наконец, когда мы добрались до этой западной страны, в первую же тяжелую ночь умерла твоя сестра. А вскоре умер и твой дядя, оставив вдову и дочь-сироту, твою двоюродную сестру Варку-Зивин. И твоя сестра, и дядя могли бы быть счастливы с нами сегодня, если бы не бессердечный бледнолицый.

Всю оставшуюся дорогу до нашего вигвама мама молчала. Хотя я не видел слез в ее глазах, я знал, что это потому, что я был с ней. Она редко плакала при мне.

II.

ЛЕГЕНДЫ.

Летними днями моя мать разводила костер в тени нашего вигвама.

Ранним утром наш простой завтрак был разложен на траве к западу от нашего вигвама. В самом дальнем уголке тени у костра сидела моя мать, поджаривая аппетитный кусок вяленого мяса. Я сидел рядом с ней на ногах, ел вяленое мясо с пресным хлебом и пил крепкий черный кофе.

Утренняя трапеза была нашим тихим часом, когда мы вдвоем оставались совершенно одни. В полдень несколько человек, случайно проходивших мимо, остановились передохнуть и разделить с нами ленч, поскольку были уверены в нашем гостеприимстве.

Мой дядя, о смерти которого всегда оплакивала моя мать, был одним из самых храбрых воинов нашей страны. Его имя было на устах стариков, когда они говорили о гордых подвигах доблести; и оно упоминалось молодыми людьми тоже в связи с доблестными поступками. Пожилые женщины хвалили его за доброту к ним; молодые женщины считали его идеалом для своих возлюбленных. Все любили его, и моя мать боготворила его память. Так получилось, что даже незнакомые люди были уверены, что им будут рады в нашем домике, если они только попросят об одолжении от имени моего дяди.

Хотя я слышал много странных историй, рассказанных этими путниками, больше всего я любил вечернюю трапезу, потому что именно в это время рассказывались старые легенды. Я всегда радовался, когда солнце опускалось низко на западе, потому что тогда моя мать посылала меня пригласить соседних стариков и женщин поужинать с нами. Пробежав всю дорогу до вигвамов, я застенчиво останавливался у входа. Иногда я подолгу стоял, не говоря ни слова. Не какой-то страх сделал меня таким немым, когда я отправился по такому счастливому делу; и не то чтобы я хотел отказаться от приглашения, потому что это было все, что я мог сделать, чтобы соблюсти это самое подобающее молчание. Но это было прощупывание атмосферы, чтобы убедиться в том, что я не должен мешать другим планам. Моя мать часто говорила мне, когда я почти вприпрыжку бежал к старикам: "Подожди минутку, прежде чем кого-нибудь приглашать. Если обсуждаются другие планы, не вмешивайтесь, а идите в другое место".

Старики знали значение моих пауз; и часто они добивались моего доверия, спрашивая: "Чего ты добиваешься, маленькая внучка?"

- Моя мама говорит, что ты должен прийти к нам в вигвам сегодня вечером, - мгновенно взорвалась я, и после этого вздохнула свободнее.

"Да, да, с радостью, с радостью я приду!" - ответили все. Сразу же поднявшись и перекинув свои одеяла через плечо, они неторопливо направились из своих вигвамов к нашему жилищу.

Моя миссия выполнена, я побежал обратно, подпрыгивая от восторга. Запыхавшись, я пересказал маме почти точные слова ответов на мое приглашение. Часто она спрашивала: "Что они делали, когда ты вошла в их типи?" Это научило меня запоминать все, что я видела, с первого взгляда. Часто я делился с матерью своими впечатлениями, не дожидаясь расспросов.

Иногда в соседних вигвамах старая индианка спрашивала меня: "Чем занимается твоя мать?" Если только моя мать не предупреждала меня, чтобы я никому не рассказывал, я обычно отвечал на ее вопросы без утайки.

Когда пришли наши гости, я сел поближе к матери и не отходил от нее, не спросив предварительно ее согласия. Я тихо поужинал, терпеливо прислушиваясь к разговорам стариков, все время мечтая, чтобы они начали рассказы, которые я любил больше всего. Наконец, когда я больше не мог ждать, я прошептал маме на ухо: "Попроси их рассказать историю иктоми, мама".

Успокаивая мое нетерпение, мама громко сказала: "Моей маленькой дочери не терпится услышать ваши легенды". К этому времени все покончили с едой, и вечер быстро переходил в сумерки.

Когда каждый по очереди начал рассказывать легенду, я положил голову матери на колени и, лежа на спине, наблюдал за звездами, которые одна за другой выглядывали из-за горизонта. Растущий интерес к этой истории пробудил меня, и я сел, жадно вслушиваясь в каждое слово. Старухи отпускали забавные замечания и смеялись так от души, что я не мог не присоединиться к ним.

Отдаленный вой волчьей стаи или уханье совы на дне реки пугали меня, и я уютно устраивалась на коленях у матери. Она подбросила несколько сухих веток в открытый огонь, и яркие языки пламени осветили лица стариков, сидевших большим кружком.

В такой вечер я помню, как отблески костра отражались от вытатуированной звезды на лбу старого воина, который рассказывал историю. Я с любопытством наблюдал за его бессознательными жестами. Голубая звезда на его бронзовом лбу была для меня загадкой. Оглядевшись, я увидел две параллельные линии на подбородке одной из старух. У остальных их не было. Я вгляделся в лицо матери, но не нашел на нем никаких следов.

После того, как рассказ воина был закончен, я спросил старуху, что означают синие линии у нее на подбородке, все это время краем глаза поглядывая на воина со звездой на лбу. Я немного боялся, что он упрекнет меня за мою смелость.

Тут старуха начала: "Да ведь это знаки, внучек мой, тайные знаки, о которых я не смею тебе рассказать. Однако я расскажу вам замечательную историю о женщине, у которой на каждой щеке было вытатуировано по кресту".

Это была длинная история о женщине, чья магическая сила скрывалась за отметинами на ее лице. Я заснул прежде, чем рассказ был закончен.

С тех пор я с подозрением относился к людям с татуировками. Где бы я ни видел его, я украдкой поглядывал на метку и вокруг нее, гадая, какая ужасная магическая сила скрыта там.

Редко случалось, чтобы у лагерного костра рассказывали такую страшную историю, как эта. Впечатление было настолько острым, что картина до сих пор остается ярко выраженной.

III.

ВЫШИВКА БИСЕРОМ.

Вскоре после завтрака мама иногда принималась за вышивание бисером. Ярким, ясным днем она вытащила деревянные колышки, которыми край нашего вигвама был прикреплен к земле, и частично натянула холст на каркас из тонких жердей. Затем прохладный утренний ветерок свободно пронесся по нашему жилищу, время от времени принося аромат сладких трав из недавно выжженной прерии.

Развязав длинные завязки с кисточками, которыми была перевязана маленькая коричневая сумочка из оленьей кожи, моя мать разложила на циновке рядом с собой пучки цветных бусин, подобно тому, как художник раскладывает краски на своей палитре. На поясной доске она разгладила двойной лист мягкой белой оленьей кожи и, достав из расшитого бисером футляра, висевшего слева от ее широкого пояса, длинное узкое лезвие, придала оленьей коже нужную форму. Часто она шила маленькие мокасины для своей маленькой дочери. Затем я очень заинтересовался ее дизайном. С гордым, сияющим лицом я наблюдал за ее работой. В

воображении я видел себя идущим в новой паре плотно облегающих мокасин. Я чувствовала на себе завистливые взгляды моих товарищей по играм, устремленные на красивые красные бусы, украшающие мои ноги.

Рядом с матерью я сидел на коврике, держа в одной руке лоскуток оленьей кожи, а в другой - шило. Это было началом моих практических уроков по наблюдению за искусством вышивания бисером. Из мотка тонко скрученных серебристых нитей мама вытащила одну. Шилом она проткнула оленью шкуру и искусно продела в нее белое сухожилие. Подбирая крошечные бусинки одну за другой, она нанизывала их на кончик нитки, всегда тщательно закручивая ее после каждого стежка.

Потребовалось много испытаний, прежде чем я научился завязывать сухожильную нить на кончике пальца, как это делала она, я видел на моих глазах. Следующая трудность заключалась в том, чтобы моя нить была туго скручена, чтобы я могла легко нанизывать на нее бусы. Моя мать требовала от меня оригинальных рисунков для моих уроков бисероплетения. Поначалу я часто тратил много солнечных часов на работу над длинным дизайном. Вскоре, подвергая себя наказаниям, я научился воздерживаться от рисования сложных узоров, потому что мне нужно было закончить все, что я начал.

После некоторого опыта я обычно рисовал простые крестики и квадратики. Это были некоторые из заданных форм. Мои первоначальные рисунки не всегда были симметричными или достаточно характерными - два недостатка, к которым у моей матери не хватало терпения. Спокойствие, с которым она наблюдала за мной, заставляло меня чувствовать большую ответственность и зависимость от собственного суждения. Она относилась ко мне как к достойному маленькому человеку, пока я вел себя хорошо; и как же я был унижен, когда какая-то моя смелость вызвала у нее упрек!

В выборе цветов она оставила меня на мой собственный вкус. Мне понравились желтые тона на темно-синем фоне или сочетание красного и миртово-зеленого. Был еще один, красного цвета с голубовато-серым оттенком, который использовался более традиционно. Когда я немного познакомился с дизайном и различными приятными сочетаниями цветов, мне был преподан более сложный урок. Это было пришивание вместо бусин нескольких окрашенных игл дикобраза, смоченных и расплюснутых между ногтями большого и указательного пальцев. Моя мать срезала колючие кончики и сразу же сожгла их в очаге. Эти острые кончики были ядовитыми и вонзались в плоть везде, где попадали. По этой причине, сказала моя мать, мне не следует много заниматься иглами в одиночку, пока я не стану такой же высокой, как мой двоюродный брат Варка-Зивин.

Всегда после этих уроков я был вне себя от избытка бодрости духа и находил радостное облегчение в том, что снова бегал на свободе. Часто летним днем компания из четырех или пяти моих товарищей по играм бродила со мной по холмам. У каждого из нас было по легкой заостренной палочке около четырех футов длиной, с помощью которой мы вырывали определенные сладкие корешки. Когда мы съели все отборные корешки, которые случайно попались нам на пути, мы закинули удочки на плечо и направились к зарослям стеблевого растения, под желтыми цветами которого нашли маленькие хрустальные капельки смолы. Капля за каплей мы собирали этот природный леденец, пока каждый из нас не смог похвастаться комочком размером с маленькое птичье яйцо. Вскоре, насытившись древесным вкусом, мы отказались от жевательной резинки, чтобы снова вернуться к сладким кореньям.

Я хорошо помню, как мы обменивались ожерельями, расшитыми бисером поясами, а иногда даже мокасинами. Мы делали вид, что подносим их друг другу в подарок. Нам нравилось изображать наших собственных матерей. Мы обсуждали то, что слышали от них в разговорах. Мы подражали их различным манерам, вплоть до интонации их голосов. Посреди прерии мы уселись на ноги и, подперев накрашенные щеки ладонями, уперлись локтями в колени и наклонились вперед, как привыкли делать старые женщины.

Пока один из нас рассказывал о каком-то героическом поступке, недавно совершенном близким родственником, остальные внимательно слушали и вполголоса восклицали: "Хан! хан!" (да! да!) всякий раз, когда оратор делал паузу, чтобы перевести дыхание, или иногда для выражения нашего сочувствия. По мере того, как речь становилась все более захватывающей, согласно нашим представлениям, мы повышали голоса в этих междометиях. В этих подражаниях нашим родителям приходилось говорить только то, что было выгодно всем.

Какой бы захватывающей ни была история, которую мы репетировали, простого изменения тени облака на близлежащем ландшафте было достаточно, чтобы изменить наши порывы; и вскоре мы все гонялись за огромными тенями, которые играли среди холмов. Мы кричали и улюлюкали во время погони; смеясь и окликая друг друга, мы были похожи на маленьких резвящихся нимф в этом зеленом море Дакоты.

Однажды я забыл о тени облака в странном стремлении догнать свою собственную тень. Стоя прямо и неподвижно, я начал скользить за ней, осторожно выставляя одну ногу. Когда я с величайшей осторожностью ставил ногу впереди себя, моя тень тоже ползла вперед. Затем я попробовал снова, на этот раз другой ногой. И снова моя тень ускользнула от меня. Я побежал; и моя тень улетела прочь, всегда всего на шаг позади меня. Я бежал все быстрее и быстрее, стиснув зубы и кулаки, полный решимости догнать свою собственную летучую тень. Но она скользила передо мной все быстрее, в то время как я задыхался и мне становилось жарко. Сбавив скорость, я был очень раздосадован тем, что моя тень тоже замедлила свой бег. Решившись на это до предела, как я и думал, я сел на камень, вмурованный в склон холма.

Итак! моя тень имела наглость сесть рядом со мной!

Теперь мои товарищи догнали меня и стали спрашивать, почему я так быстро убегаю.

"О, я гнался за своей тенью! Вы никогда этого не делали?" - Спросила я, удивленная тем, что они не понимают.

Они твердо наступили своими ногами в мокасинах на мою тень, чтобы остановить ее, и я поднялся. Снова моя тень ускользнула и двигалась так же часто, как и я. Потом мы отказались от попыток поймать мою тень.

До этого необычного переживания у меня нет четких воспоминаний о том, что я распознал какую-либо жизненно важную связь между собой и собственной тенью. Я никогда не придавал этому запоздалого значения.

Вернув позаимствованные ремни и безделушки, мы побрели домой. В тот вечер, как и в другие вечера, я заснул над своими легендами.

IV.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ КОФЕ.

Однажды летним днем мама оставила меня одну в нашем вигваме, а сама пошла через дорогу к дому моей тети.

Мне не очень нравилось оставаться одному в нашем вигваме, потому что я боялся высокого, широкоплечего сумасшедшего лет сорока, который свободно разгуливал среди холмов. Вийака-Напбина (Носящий Ожерелье из перьев) был безвреден, и всякий раз, когда он заходил в вигвам, его гнал туда сильный голод. Он был обнажен, если не считать половины красного одеяла, которое он обмотал вокруг талии. В загорелой руке он обычно нес тяжелый букет диких подсолнухов, которые собирал во время своих бесцельных блужданий. Его черные волосы были спутаны ветром и выгорели до сухого рыжего цвета под постоянным летним солнцем. Делая большие шаги, ставя одну загорелую босую ногу прямо перед другой, он размахивал своей длинной худой рукой туда-сюда.

Часто он останавливался и смотрел далеко назад, прикрывая глаза рукой. Он был уверен, что злой дух преследует его по пятам. Это было то, что однажды сказала мне моя мать, когда я насмеялся над таким глупым большим мужчиной. Я был храбрым, когда моя мать была рядом, а Вийака-Напбина уходила все дальше и дальше.

- Пожалей этого человека, дитя мое. Я знал его, когда он был храбрым и красивым юношей. Однажды, когда он бродил туда-сюда за своими пони, среди холмов его настиг злой дух. С тех пор он не может оставаться в стороне от холмов", - сказала она.

Мне было так жаль этого человека в его несчастье, что я помолился Великому Духу, чтобы он восстановил его. Но хотя на расстоянии я жалел его, я все равно боялся его, когда он появлялся возле нашего вигвама.

Таким образом, когда моя мать оставила меня одного в тот день, я сидел в нашем вигваме в ужасном настроении. Я вспомнил все, что когда-либо слышал о Вийака-Напбине, и попытался убедить себя, что, хотя он и может проходить поблизости, он не придет в наш вигвам, потому что на нашей территории нет маленькой девочки.

В этот момент чья-то рука приподняла брезентовую завесу входа; тень человека упала на вигвам, и большая нога в грубом мокасинах оказалась внутри.

Какое-то мгновение я не смел дышать или пошевелиться, потому что подумал, что это не может быть никто иной, как Вийака-Напбина. В следующее мгновение я громко вздохнул с облегчением. Это был старый дедушка, который часто рассказывал мне легенды иктами.

"Где твоя мама, мой маленький внучек?" были его первые слова.

- Моя мама скоро вернется из вигвама моей тети, - ответила я.

"Тогда я немного подожду ее возвращения", - сказал он, скрестив ноги и усаживаясь на циновку.

Я сразу же начала играть роль щедрой хозяйки. Я повернулась к кофейнику моей матери.

Подняв крышку, я не обнаружила на дне ничего, кроме кофейной гущи. Я поставила кофейник на кучку холодной золы в центре и наполнила его наполовину теплой водой из реки Миссури. Во время этого представления я чувствовала, что за мной наблюдают. Затем, отломив маленький кусочек нашего пресного хлеба, я положила его в миску. Вскоре повернувшись к кофейнику, который никогда бы не вскипел на потухшем огне, даже если бы я ждал целую вечность, я налил чашку теплой воды, более чем мутной. Держа чашу в одной руке и кубок в другой, я протянул легкий завтрак старому воину. Я предложил ему все это с видом великодушного гостеприимства.

- Как! как! - воскликнул он и поставил тарелки на землю перед своими скрещенными ногами. Он откусил от хлеба и отпил из чашки. Я сел, прислонившись к столбу, наблюдая за ним. Я был горд тем, что мне удалось так хорошо подать закуски гостю в одиночку. Прежде чем старый воин закончил есть, вошла моя мать. Она тут же заинтересовалась, где я раздобыл кофе, потому что знала, что я никогда его не варил и что она оставила кофейник пустым. Отвечая на вопрос в глазах моей матери, воин заметил: "Моя внучка сварила кофе на куче тлеющей золы и подала мне, как только я пришел".

Они оба рассмеялись, и мама сказала: "Подожди еще немного, я разведу огонь". Она хотела сварить настоящий кофе. Но ни она, ни воин, которого закон нашего обычая вынуждал пользоваться моим безвкусным гостеприимством, не сказали ничего, что могло бы смутить меня. Они отнеслись к моему здравому смыслу, каким бы убогим он ни был, с величайшим уважением. Только много лет спустя я понял, насколько нелепо поступил.

V.

СЛИВОВЫЙ КУСТ МЕРТВЕЦА.

Однажды осенним днем множество людей устремилось к жилищу нашего ближайшего соседа. С раскрашенными лицами и в широких белых нагрудниках из лосиных зубов они поспешили по узкой тропинке к вигваму Хараки Вамбди. Молодые матери держали своих детей за руки и в спешке наполовину тащили их за собой. Они обогнали и проехали мимо согбенных старых бабушек, которые тащились со скрюченными тростями к центру событий. Большинство юных смельчаков прискакали сюда на своих пони. Беззубые воины, как и старухи, ехали медленнее, хотя и верхом на резвых пони. Они сидели на своих лошадях гордо выпрямившись. Они носили орлиные перья и размахивали различными трофеями прошлых войн.

Перед вигвамом был разведен большой костер, и над ним было подвешено несколько больших черных котлов с олениной. Толпа расселась вокруг него на траве большим кругом. Позади них, прислонившись к шеям своих пони, стояли несколько храбрецов, их высокие фигуры были облачены в свободные одежды, которые были плотно надвинуты на глаза.

Молодые девушки с лицами, сияющими, как ярко-красные осенние листья, с блестящими косами, спадающими на каждое ухо, кокетливо сидели рядом со своими компаньонками. У молодых индианок был обычай приглашать кого-нибудь из старших родственников сопровождать их на общественные праздники. Хотя это и не было железным законом, обычно он соблюдался.

Харака Вамбди был сильным молодым храбрецом, только что вернувшимся со своей первой битвы, воином. Его ближайшие родственники, чтобы отпраздновать его новое звание, устроили пир, на который была приглашена вся индийская деревня.

Держа свое красивое полосатое одеяло наготове, чтобы накинуть на плечи, я становилась все более и более беспокойной, наблюдая за собирающейся веселой толпой. Моя мать деловито жарила дикую утку, которую принесла моя тетя в то утро.

"Мама, мама, почему ты останавливаешься, чтобы приготовить что-нибудь вкусненькое, когда мы приглашены на пир?" - Спросила я с рычанием в голосе.

"Дитя мое, научись ждать. По дороге на праздник мы заедем в вигвам Чанью. Его престарелая теща лежит очень больная, и я думаю, ей хотелось бы попробовать эту маленькую дичь.

Однажды увидев страдание на тонких, осунувшихся чертах этой умирающей женщины, я на мгновение почувствовал стыд за то, что не вспомнил ее раньше.

По дороге я опередила маму и протянула руку, чтобы сорвать несколько фиолетовых слив, которые росли на маленьком кустике, когда меня остановило тихое "Ш-ш!" от мамы.

- Мама, я хочу попробовать сливы! - Воскликнула я, разочарованно опустив руку.

- Никогда не срывай ни единой сливы с этой кисти, дитя мое, потому что ее корни обвивают скелет индейца. Здесь похоронен храбрец. При жизни он так любил играть в игру "Полосатые сливовые косточки", что после его смерти набор сливовых косточек остался у него в руках. Из них вырос этот маленький кустик".

Глядя на запретный плод, я легко ступал по священной земле и осмеливался говорить только шепотом, пока мы не отошли от него на много шагов. С тех пор я останавливался в своих блужданиях всякий раз, когда мне попадался в поле зрения сливовый куст. Я протрезвел от благоговейного трепета и насторожился, услышав протяжный свист, доносящийся из-под его корней. Хотя я никогда не слышал собственными ушами этот странный свист ушедших духов, тем не менее я так часто прислушивался к описаниям стариков, что знал, что узнаю его сразу.

Насколько я помню сейчас, неизгладимое впечатление от того дня произвело то, что моя мать рассказала мне о сливовом кусте мертвеца.

VI.

СУСЛИК.

В суетные осенние дни мать моей двоюродной сестры Варка-Зивин пришла в наш вигвам, чтобы помочь моей матери сохранить продукты для употребления на зиму. Я очень любила свою тетю, потому что она была не такой тихой, как моя мать. Хотя она была старше, она была более жизнерадостной и менее сдержанной. Она была стройной и удивительно прямой. В то время как волосы моей матери были густыми и черными, у моей тети были необычайно тонкие локоны.

С тех пор, как я ее узнал, она носила на шее нитку крупных синих бус, которые были драгоценными, потому что мой дядя подарил их ей, когда она была моложе. У нее была своеобразная размашистая походка, вызванная широким шагом, редко свойственным такой

хрупкой фигуре. Именно во время визита к нам моей тети моя мать забыла о своей обычной сдержанности, часто от души смеясь над некоторыми остроумными замечаниями моей тети.

Я любила свою тетю втрое: за ее искренний смех, за то, что она придавала моей матери бодрости, и больше всего за то, что она вытирала мои слезы и держала меня на коленях, когда моя мать упрекала меня.

Ранним прохладным утром, как только желтый ободок солнца поднимался над холмами, мы вставали и завтракали. Мы проснулись так рано, что увидели священный час, когда туманный дымок повис над ямой, окруженной непроходимой топью. Этот странный дым появлялся каждое утро, как зимой, так и летом; но наиболее заметно в середине зимы он поднимался непосредственно над болотистым местом. К тому времени, когда солнце полностью показалось над восточным горизонтом, дым рассеялся. Даже очень старые люди, которые знали эту страну дольше всех, говорили, что дым из этой ямы ни разу за день не переставал подниматься к небесам.

Резвясь в нашем жилище, я обычно внезапно останавливался и со страхом наблюдал за дымлением неизвестных костров. Пока был виден пар, я боялся отходить далеко от нашего вигвама, если только не пойду с мамой.

С поля на плодородном дне реки мои мать и тетя собрали обильный урожай кукурузы. Возле нашего вигвама они расстелили на траве большую парусину и сушили на ней свою сладкую кукурузу. Меня оставили присматривать за кукурузой, чтобы ее ничто не потревожило. Я играла вокруг него с куклами, сделанными из кукурузных початков. Я заплела им волосы из мягкого тонкого шелка и дала одеяла, такие же разнообразные, как те, что я нашла в маминой рабочей сумке.

Там был маленький незнакомец в пальто в черно-желтую полоску, который обычно приходил на сушку кукурузы. Это был маленький суслик, который был настолько бесстрашен передо мной, что подошел к одному углу холста и унес столько сладкой кукурузы, сколько смог удержать. Мне очень хотелось поймать его и погладить по его хорошенькой шерстке, но мама сказала, что он так испугается, если я его поймаю, что укусит меня за пальцы. Так что я был так же доволен, как и он, тем, что кукуруза осталась между нами. Каждое утро он приходил за новой порцией кукурузы. Иногда по вечерам я видел, как он крадется по нашей территории; и когда я внезапно вскрикнул, узнав его, он быстро скрылся из виду.

Когда мама высушила столько кукурузы, сколько хотела, она нарезала большие тыквы тонкими кольцами, сложила их вдвое и соединила в длинные цепочки. Она повесила их на шест, протянутый между двумя раздвоенными столбами. Вскоре ветер и солнце основательно высушили цепочки из тыквы. Затем она упаковала их в футляр из толстой и жесткой оленьей кожи.

На солнце и ветру она также высушила много диких фруктов - вишню, ягоды и сливы. Но самое главное из моих ранних воспоминаний об осени - это сушка кукурузы и суслик.

У меня сохранилось мало воспоминаний о зимних днях в этот период моей жизни, хотя много о летних. Я могу вспомнить только одно.

Несколько миссионеров подарили мне мешочек с шариками. Они были всех размеров и цветов. Среди них было несколько шариков из цветного стекла. Прогуливаясь с мамой к реке поздним зимним днем, мы обнаружили огромные глыбы льда, наваленные по всему берегу. Лед на реке плавал огромными кусками. Когда я стоял возле одной большой глыбы, я впервые заметил цвета радуги в хрустальном льду. Я сразу подумал о своих стеклянных шариках дома. Голыми пальцами я попытался выделить некоторые цвета, потому что они казались такими близкими к поверхности. Но мои пальцы начало покалывать от сильного холода, и мне пришлось сильно прикусить их, чтобы не расплакаться.

С того дня на протяжении многих лун я верил, что внутри стеклянных шариков есть речной лед.

VII.

БОЛЬШИЕ КРАСНЫЕ ЯБЛОКИ.

Первый поворот от легкого, естественного течения моей жизни произошел ранней весной. Мне шел восьмой год; как я узнал позже, в марте месяце. В этом возрасте я знал только один язык, и это был родной язык моей матери.

От некоторых моих товарищей по играм я слышал, что в нашей деревне были два бледнолицых миссионера. По их словам, они были из того класса белых мужчин, которые носили большие шляпы и носили большие сердца. Подбежав прямо к моей матери, я начал расспрашивать ее, почему эти двое незнакомцев оказались среди нас. После того, как я вдоволь подразнил ее, она сказала мне, что они приехали, чтобы увести индийских мальчиков и девочек на Восток. Казалось, моя мать не хотела, чтобы я говорил о них. Но через день или два я узнал от своих товарищей по играм много замечательных историй о незнакомцах.

"Мама, моя подруга Джудевин возвращается домой с миссионерами. Она отправляется в страну более прекрасную, чем наша; бледнолицые сказали ей об этом!" - Задумчиво сказала я, в глубине души желая, чтобы я тоже поехала.

Мама сидела в кресле, а я висел у нее на коленях. В течение последних двух сезонов мой старший брат Даве вернулся после трехлетнего обучения на Востоке, и его возвращение побудило мою мать сделать еще один шаг в сторону от ее родного образа жизни. Сначала мы сменили шкуру бизона на полотно белого человека, которым был покрыт наш вигвам. Теперь она отказалась от своего вигвама из тонких жердей, чтобы жить иностранкой в доме из неуклюжих бревен.

- Да, дитя мое, еще несколько человек, кроме Джудевина, уходят с бледнолицыми. Твой брат сказал, что миссионеры справлялись с его младшей сестре, - сказала она, очень внимательно наблюдая за моим лицом.

Мое сердце так сильно колотилось в груди, что я подумал, слышит ли она это.

- Это он велел им забрать меня, мама? - Спросил я, опасаясь, что Даве запретил бледнолицым видаться со мной и моя надежда попасть в Страну Чудес будет полностью разрушена.

С грустной, медленной улыбкой она ответила: "Вот так! Я знала, что ты хочешь уйти, потому что Джудевин наполнил твои уши ложью белого человека. Не верь ни единому их слову! Их слова сладки, но, дитя мое, их поступки горьки. Ты будешь плакать из-за меня, но они даже не

успокоят тебя. Останься со мной, моя малышка! Твой брат Дави говорит, что переезд на Восток, вдали от твоей матери, слишком тяжелый опыт для его младшей сестры".

Таким образом, моя мать отбила у меня охоту интересоваться землями за нашим восточным горизонтом, ибо меня еще не тянуло к Литературе. Но на следующий день миссионеры действительно пришли к нашему дому. Я заметил, как они поднимались по тропинке, ведущей к нашему коттеджу. С ними был третий мужчина, но это не был мой брат Дави. Это был другой, молодой переводчик, бледнолицый, немного владевший индийским языком. Я был готов выбежать им навстречу, но не посмел рассердить свою мать. С огромным ликованием я прыгала вверх-вниз по нашему первому этажу. Я умоляла маму открыть дверь, чтобы они обязательно пришли к нам. Увы! Они пришли, они увидели и они победили!

Джудевин рассказывал мне о большом дереве, на котором росли красные-пребольшие яблоки, и о том, как мы могли протянуть руки и сорвать столько красных яблок, сколько смогли съесть. Я никогда не видел яблонь. За всю свою жизнь я никогда не пробовал больше дюжины красных яблок; и когда я услышал о садах Востока, мне не терпелось побродить среди них. Миссионеры улыбнулись мне в глаза и погладили по голове. Я удивлялся, как мать могла сказать о нем такие резкие слова.

- Мама, спроси у них, можно ли маленьким девочкам столько красных яблок, сколько они захотят, когда поедут на Восток, - громко прошептала я в волнении.

Переводчик услышал меня и ответил: "Да, девочка, вкусные красные яблоки - для тех, кто их собирает; и ты прокатишься на железном коне, если поедешь с этими добрыми людьми".

Я никогда не видел поезда, и он это знал.

"Мама, я еду на Восток! Я люблю большие красные яблоки и хочу прокатиться на железном коне! Мама, скажи "да"! - Взмолился я.

Моя мать ничего не сказала. Миссионеры ждали в тишине; и мои глаза начали затуманиваться слезами, хотя я изо всех сил старалась сдерживать их. Уголки моего рта дрогнули, и мама увидела меня.

"Я не готова сообщить вам ни слова", - сказала она им. "Завтра я пришлю вам ответ с моим сыном".

С этими словами они покинули нас. Оставшись наедине с матерью, я дал волю слезам и громко заплакал, качая головой, чтобы не слышать, что она мне говорит. Это был первый раз, когда я так не хотел отказываться от своего собственного желания, что отказался прислушаться к голосу моей матери.

В тот вечер в нашем доме царила торжественная тишина. Перед тем как лечь спать, я умолял Великого Духа убедить мою мать согласиться, чтобы я пошел с миссионерами.

Наступило следующее утро, и моя мать позвала меня к себе. "Дочь моя, ты все еще настаиваешь на своем желании покинуть свою мать?" - спросила она.

"О, мама, не то чтобы я хотел покидать тебя, но я хочу увидеть чудесную восточную страну", - ответил я.

В то утро к нам домой пришла моя дорогая старая тетя, и я услышал, как она сказала, "Пусть она попробует".

Я надеялась, что, как обычно, тетя встанет на мою сторону. Мой брат Дави пришел поддержать мамино решение. Я бросил играть и подкрался поближе к тете.

"Да, Дави, моя дочь, хотя и не понимает, что все это значит, очень хочет уехать. Ей понадобится образование, когда она вырастет, потому что тогда будет меньше настоящих дакотов и гораздо больше бледнолицых. Это разлучение ее, такой юной, с матерью необходимо, если я хочу, чтобы она была образованной женщиной. Бледнолицые, которые в большом долгу перед нами за украденные земли, запоздало начали воздавать должное, предлагая нашим детям какое-то образование. Но я знаю, что моя дочь должна сильно пострадать в этом эксперименте. Ради нее я боюсь рассказывать вам о своем ответе миссионерам. Иди, скажи им, что они могут забрать мою маленькую дочь и что Великий Дух не преминет вознаградить их по заслугам их сердец".

Завернувшись в свое тяжелое одеяло, я пошла с мамой к экипажу, который вскоре должен был отвезти нас в "Железный конь". Я была счастлива. Я встретила своих товарищей по играм, которые тоже были одеты в свои лучшие толстые одеяла. Мы показали друг другу наши новые расшитые бисером мокасины и ширину поясов, которыми были подпоясаны наши новые платья. Вскоре лошади белого человека быстро уносили нас прочь. Когда я увидел, как вдаль исчезает одинокая фигура моей матери, меня охватило чувство сожаления. Я внезапно почувствовала слабость, как будто могла безвольно упасть на землю. Я была в руках незнакомцев, которым моя мать не полностью доверяла. Я больше не чувствовала себя свободной быть собой или выражать свои чувства. Слезы потекли по моим щекам, и я зарылась лицом в складки одеяла. Теперь первый шаг, разлучивший меня с матерью, был сделан, и все мои запоздалые слезы ни к чему не привели.

Проехав тридцать миль до парома, вечером мы пересекли Миссури. Затем, проехав еще несколько миль на восток, мы остановились перед массивным кирпичным зданием. Я смотрел на это с изумлением и смутным опасением, потому что в нашей деревне я никогда не видел такого большого дома. Дрожа от страха и недоверия к бледнолицым, стуча зубами от холодной езды, я бесшумно крался в своих мягких мокасинах по узкому коридору, держась очень близко к голой стене. Я был так же напуган и сбит с толку, как пойманный детеныш дикого животного.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ИНДИАНКИ

Я.

СТРАНА КРАСНЫХ ЯБЛОК.

В нашей группе загорелых детей, которые направлялись на Восток с миссионерами, было восемь человек. Среди нас были трое юных храбрецов, две высокие девушки, и мы, трое малышей, Джудевин, Товин и я.

Нам не терпелось отправиться в путешествие в Страну Красных Яблок, которая, как нам сказали, лежала немного дальше от огромного круглого горизонта Западной прерии. Под небом, усыпанным румяными яблоками, мы мечтали бродить так же свободно и счастливо, как

гонялись за тенью облаков на равнинах Дакоты. Мы ожидали большого удовольствия от поездки на железном коне, но толпы вытаращивших глаза бледнолицых беспокоили нас.

В поезде белокурые женщины с трясущимися младенцами на каждой руке остановились и внимательно оглядели детей отсутствующих матерей. Крупные мужчины с тяжелыми узлами в руках остановились неподалеку и устремили на нас свои стеклянные голубые глаза.

Я поглубже забился в угол своего кресла, потому что мне было неприятно, что за мной наблюдают. Прямо передо мной дети, которые были не крупнее меня, повисли на спинках своих кресел, повернув ко мне свои смелые белые лица. Иногда они вынимали указательные пальцы изо рта и показывали на мои ноги в мокасынах. Их матери, вместо того чтобы осудить такое грубое любопытство, пристально посмотрели на меня и привлекли внимание своих детей к моему одеялу. Это смущало меня и постоянно держало на грани слез.

Я сидел совершенно неподвижно, опустив глаза, лишь время от времени осмеливаясь бросать по сторонам долгие взгляды. Случайно повернувшись к окну с моей стороны, я затаил дыхание, увидев один знакомый предмет. Это был телеграфный столб, который короткими шагами пронесся мимо. Совсем рядом с домом моей матери, на краю дороги, густо обсаженной дикими подсолнухами, несколько таких столбов были посажены белыми людьми. Часто я останавливался по дороге, чтобы приложиться ухом к столбу, и, слыша его тихие стоны, гадал, что такого сделал бледнолицый, что причинил ему боль. Теперь я сидел, ожидая, что каждый проплывающий мимо столб окажется последним.

Таким образом, я забыл о своем неуютном окружении, когда услышал, как один из моих товарищей окликнул меня по имени. Я увидел миссионера, стоявшего совсем рядом и бросавшего в нашу гущу конфеты и жевательную резинку. Это всех нас позабавило, и мы попытались посмотреть, кому достанется больше всего сладостей.

Хотя мы несколько дней ехали в "железном коне", я ничего не помню о наших обедах.

Когда мы добрались до территории школы, была ночь. Свет из окон больших зданий падал на некоторые покрытые льдом деревья, которые росли под ними. Нас подвели к открытой двери, где яркий свет изнутри хлынул на головы возбужденных бледнолицых, преградивших нам путь. Мое тело дрожало больше от страха, чем от снега, по которому я ступал.

Войдя в дом, я встал, прижавшись к стене. Яркий свет в большой побеленной комнате слепил глаза. Громкий топот тяжелых ботинок по голому деревянному полу усилил звон в моих ушах. Казалось, что моя единственная безопасность заключалась в том, чтобы держаться поближе к стене. Пока я раздумывал, в каком направлении сбежать от всей этой неразберихи, две теплые руки крепко схватили меня, и в тот же миг меня подбросило высоко в воздух. Розовощекая бледнолицая женщина подхватила меня на руки. Я был одновременно напуган и оскорблен таким пустяком. Я смотрела ей в глаза, желая, чтобы она позволила мне встать на ноги, но она прыгала на мне с возрастающим энтузиазмом. Моя мать никогда не делала из своей маленькой дочери игрушки. Вспомнив об этом, я начал громко плакать.

Они неправильно поняли причину моих слез и усадили меня за белый стол, уставленный едой. Там наша компания снова объединилась. Поскольку я не прекращал плакать, один из старших прошептал мне: "Подожди, пока не останешься один в ночи".

В тот вечер я мало что могла проглотить, кроме своих рыданий.

"О, я хочу к своей маме и брату Дави! Я хочу к своей тете!" Я умолял, но уши бледнолицых не могли слышать меня.

От стола нас повели по наклонной лестнице из деревянных ящиков, которую, как я узнал позже, называли лестницей. Наверху был тихий, тускло освещенный зал. Множество узких кроватей стояли в одну прямую линию по всей длине стены. На них лежали спящие коричневые лица, которые выглядывали только из-под покрывал. Меня уложили в постель к одной из высоких девушек, потому что она разговаривала со мной на моем родном языке и, казалось, успокаивала меня.

Я прибыл в чудесную страну розовых небес, но не был счастлив, как ожидал. Долгое путешествие и ошеломляющие виды измотали меня. Я заснула, прерываясь глубокими, усталыми рыданиями. Мои слезы высыхали струйками, потому что ни моей тети, ни моей матери не было рядом, чтобы вытереть их.

II.

ПОДСТРИЧЬ МОИ ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ.

Первый день в стране яблок выдался очень холодным, потому что снег все еще покрывал землю, а деревья стояли голыми. Большой колокол прозвенел к завтраку, его громкий металлический звук пронесся по колокольне над головой и достиг наших чувствительных ушей. Раздражающий стук обуви по голому полу не давал нам покоя. Постоянное столкновение резких звуков с затаенным потоком множества голосов, бормочущих на неизвестном языке, превратило меня в бедлам, внутри которого я был надежно связан. И хотя мой дух разрывался в борьбе за утраченную свободу, все было бесполезно.

Вслед за нами подошла бледнолицая женщина с седыми волосами. Нас поставили в шеренгу девушек, которые маршировали в столовую. Это были индианки в жестких туфлях и плотно облегающих платьях. На маленьких девочках были фартуки с рукавами, а волосы причесаны. Когда я бесшумно ступал в своих мягких мокасинах, мне захотелось рухнуть на пол, потому что с моих плеч сняли одеяло. Я пристально посмотрела на индианок, которых, казалось, не волновало, что они были одеты еще более нескромно, чем я, в свою плотно облегающую одежду. Пока мы шли, мальчики вошли в противоположную дверь. Я наблюдал за тремя молодыми воинами, которые пришли в нашем отряде. Я заметил их в задних рядах, выглядевших так же неуютно, как и я сам. Раздался звонок, и каждый из учеников вытащил из-под стола стул. Предположив, что это действие означает, что они должны сесть, я вытащил свой и сразу же сел на него сбоку. Но когда я повернул голову, я увидел, что я единственный, кто сидит, а все остальные за нашим столом остались стоять. Как только я начал подниматься, робко оглядываясь по сторонам в поисках подходящих стульев, прозвучал второй звонок. Наконец все расселись, и мне пришлось снова заползти на свой стул. Я услышала мужской голос в конце зала и обернулась, чтобы увидеть его. Но все остальные опустили головы над тарелками. Взглянув на длинную цепочку столиков, я поймал на себе взгляд бледнолицей женщины. Я тут же опустил глаза, удивляясь, почему эта незнакомая женщина так пристально наблюдает за мной. Мужчина перестал что-то бормотать, и тут прозвенел третий звонок. Каждый взял нож и вилку и начал есть. Вместо этого я начала плакать, потому что к этому времени уже боялась отважиться на что-либо большее.

Но это питание по рецепту было не самым тяжелым испытанием в тот первый день. Поздно утром мой друг Джудевин сделал мне ужасное предупреждение. Джудевин знала несколько слов по-английски; и она случайно услышала, как бледнолицая женщина говорила о том, чтобы подстричь наши длинные, тяжелые волосы. Наши матери учили нас, что только неквалифицированным воинам, попавшим в плен, враг выстригал волосы. У нашего народа скорбящие носили короткие волосы, а трусы - стриженные!

Мы несколько раз обсуждали нашу судьбу, и когда Джудевин сказал: "Мы должны подчиниться, потому что они сильны", я взбунтовался.

"Нет, я не подчинюсь! Я буду бороться первым!" - Ответил я.

Я воспользовался своим шансом и, когда никто не заметил, исчез. Я поднялся по лестнице так тихо, как только мог в своих скрипящих ботинках, — мои мокасины сменили на туфли. Я прошел по коридору, не зная, куда иду. Повернув в сторону открытой двери, я обнаружил большую комнату с тремя белыми кроватями. Окна были занавешены темно-зелеными занавесками, которые делали комнату очень тусклой. Радуюсь, что там никого не было, я направила свои шаги в самый дальний от двери угол. На четвереньках я заползла под кровать и свернулась калачиком в темном углу.

Из своего укрытия я выглядывал наружу, вздрагивая от страха всякий раз, когда слышал шаги поблизости. Хотя в холле громкие голоса звали меня по имени, и я знал, что даже Джудевин ищет меня, я не открыл рта, чтобы ответить. Затем шаги ускорились, и голоса стали возбужденными. Звуки раздавались все ближе и ближе. В комнату вошли женщины и девушки. Я затаила дыхание и смотрела, как они открывают дверцы шкафов и заглядывают за большие сундуки. Кто-то отдернул занавески, и комната внезапно наполнилась светом. Что заставило их нагнуться и заглянуть под кровать, я не знаю. Я помню, как меня вытащили, хотя я сопротивлялся, яростно брыкаясь и царапаясь. Вопреки моему желанию, меня отнесли вниз и крепко привязали к стулу.

Я громко плакала, все время тряся головой, пока не почувствовала холодные лезвия ножниц у своей шеи и не услышала, как они отгрызают одну из моих толстых кос. Тогда я пала духом. С того дня, как меня забрали у матери, я терпела крайние унижения. Люди палили на меня. Меня подбрасывали в воздух, как деревянную марионетку. И теперь мои длинные волосы были растрепаны, как у труса! В муках я звала свою мать, но никто не пришел меня утешить. Ни одна живая душа не рассуждала со мной спокойно, как это делала моя собственная мать; ибо теперь я был всего лишь одним из многих маленьких животных, которых погонял пастух.

III.

ЭПИЗОД СО СНЕГОМ.

Вскоре после нашего прибытия мы, трое дакотов, играли в сугробе. Мы все по-прежнему были глухи к английскому языку, за исключением Джудевина, который всегда слышал такие загадочные вещи. Однажды утром мы узнали от нее, что нам запрещено падать поперек в снег, как мы это делали, чтобы увидеть наши собственные впечатления. Однако не прошло и нескольких часов, как мы забыли о приказе и всю резвились на снегу, когда нас окликнул пронзительный голос. Подняв глаза, мы увидели повелительную руку, приглашавшую нас в дом. Мы стряхнули с себя снег и направились к женщине так медленно, как только осмелились.

Джудевин сказал: "Теперь бледнолицая разгневана на нас. Она собирается наказать нас за то, что мы упали в снег. Если она смотрит прямо вам в глаза и громко разговаривает, вы должны подождать, пока она замолчит. Затем, после небольшой паузы, скажите: "Нет". Остальную часть пути мы упражнялись в произнесении маленького слова "нет".

Так получилось, что Товин была вызвана на суд первой. Дверь за ней со щелчком закрылась.

Мы с Жюдевином молча стояли, прислушиваясь у замочной скважины. Бледнолицая женщина говорила очень суровым тоном. Слова срывались с ее губ, как потрескивающие угольки, а интонации менялись, как кончик выключателя. Я понимал ее голос лучше, чем то, что она говорила. Я был уверен, что мы сделали ее очень нетерпеливой с нами. Джудевин услышала достаточно слов, чтобы слишком поздно понять, что она научила нас неправильному ответу.

- О, бедный Товин! - выдохнула она, зажимая уши обеими руками.

Именно тогда я услышал дрожащий ответ Товина: "Нет".

С сердитым восклицанием женщина сильно отшлепала ее. Затем она остановилась, чтобы что-то сказать. Джудевин сказал, что это было так: "Ты собираешься подчиниться моему слову в следующий раз?"

Товин снова ответила единственным доступным ей словом: "Нет".

На этот раз женщина нанесла удар по смарту, потому что бедная испуганная девочка завизжала во весь голос. В разгар порки удары резко прекратились, и женщина задала еще один вопрос: "Ты собираешься снова упасть в снег?"

Тоуин устроила ей еще одно испытание в бэд пассвуде. Мы услышали, как она слабо произнесла:
"Нет! Нет!"

С этими словами женщина спрятала свою полуразвалившуюся туфельку и вывела девочку из дома, поглаживая ее черную стриженную головку. Возможно, ей пришло в голову, что грубая сила не является решением такой проблемы. Она ничего не сделала ни Джудевину, ни мне. Она всего лишь вернула нам нашего несчастного товарища и оставила нас одних в комнате.

В течение первых двух или трех сезонов часто происходили такие нелепые недоразумения, как это в эпизоде "Снег", принося неоправданные страхи и наказания в наши маленькие жизни.

В течение года я смог кое-как изъясняться на ломаном английском. Как только я понял часть того, что было сказано и сделано, мной овладел озорной дух мести. Однажды меня вызвали со спектакля за какое-то неподобающее поведение. Я пренебрег правилом, которое казалось мне излишне обязательным. Меня отправили на кухню размять репу к обеду. Был полдень, и в столовую поспешно внесли дымящиеся блюда. Я терпеть не могла репу, и ее запах, исходивший из коричневой банки, был для меня отвратителен. С огнем в сердце я взяла деревянный инструмент, который протянула мне бледнолицая женщина. Я встал на ступеньку и, схватившись за ручку обеими руками, в горячей ярости склонился над репой. Я отомстил им. Все были так заняты, что никто меня не заметил. Я увидел, что репа превратилась в кашицу, и дальнейшее взбивание не могло ее улучшить; но приказ был такой: "Разомните эту репу", и я

разомну ее! Я восстановил свою энергию; и когда я опустил мешалку на дно банки, я испытал приятное ощущение, что в нее вошел вес моего тела.

Тут к моему столу подошла бледнолицая женщина. Заглянув в банку, она грубо оттолкнула мои руки. Я стоял бесстрашный и злой. Она положила свои красные руки на край кувшина. Затем одним движением подняла его и отошла от стола. Но вот! мясистое содержимое вывалилось через раскрошенное дно на пол. Она не пожалела для меня ни одной бранной фразы, которую я заслужил. Я не обратил на них внимания. Я чувствовал себя торжествующим в своей мести, хотя в глубине души мне было немного жаль, что я разбил банку.

Когда я сидел за ужином и увидел, что репы не подали, я возликовал в душе за то, что когда-то проявил внутренний бунт.

IV.

ДЬЯВОЛ.

Среди легенд, которые мне рассказывали старые воины, было много историй о злых духах. Но меня учили бояться их не больше, чем тех, кто бродит в материальном обличье. Я никогда не знал, что среди злых духов есть дерзкий вождь, который осмелился направить свои силы против Великого Духа, пока не услышал легенду об этом белом человеке от бледнолицей женщины.

Она показала мне картинку из большой книги с изображением дьявола белого человека. Я с ужасом смотрела на сильные когти, которые росли из его покрытых шерстью пальцев. Его ноги были похожи на руки. За ним по пятам тянулся чешуйчатый хвост, заканчивающийся раскрытыми челюстями змеи. Его лицо представляло собой лоскутное одеяло: у него были заросшие щеки, как у некоторых бледнолицых, которых я видел; его нос напоминал орлиный клюв, а заостренные уши были наострены, как у хитрой лисы. Над ними загибалась вверх пара коровьих рогов. Я задрожал от благоговения, и сердце мое забилося где-то в горле, когда я посмотрел на царя злых духов. Потом я услышал, как бледнолицая женщина сказала, что это ужасное существо свободно разгуливает по миру и что маленькие девочки, которые не подчиняются школьным правилам, будут подвергнуты его пыткам.

Той ночью мне приснилось это злое божество. Мне снова показалось, что я нахожусь в коттедже моей матери. Индианка пришла навестить мою мать. По разные стороны кухонной плиты, стоявшей в центре маленького домика, на стульях с прямыми спинками сидели моя мать и ее гость. Я поиграл с цепочкой пустых катушек, связанных вместе на веревочке. Была ночь, и фитиль слабо горел. Вдруг я услышал, как кто-то поворачивает снаружи ручку нашей двери.

Моя мать и женщина перестали разговаривать и обе посмотрели в сторону двери. Она постепенно открылась. Я ждал за плитой. Петли заскрипели, когда дверь медленно, очень медленно открылась внутрь.

Затем в комнату ворвался дьявол! Он был высоким! Он выглядел точно так же, как на фотографии, которую я видел в бумагах белого человека. Он не заговорил с моей матерью, потому что не знал индийского языка, но его блестящие желтые глаза были прикованы ко мне. Он широкими шагами обошел плиту, проходя за стулом женщины. Я бросила свои катушки и побежала к матери. Он не испугался ее, а последовал за мной. Тогда я стала бегать вокруг печи, громко взывая о помощи. Но моя мать и женщина, казалось, не подозревали о грозящей мне

опасности. Они сидели неподвижно, спокойно наблюдая за дьявольской погоней за мной. Наконец у меня закружилась голова. Моя голова вращалась, как на скрытом шарнире. Мои колени онемели и согнулись под моим весом, как лезвия ножа без пружины. Я рухнул рядом с креслом матери. Как раз в тот момент, когда дьявол склонился надо мной с вытянутыми когтями, моя мать очнулась от своего тихого безразличия и подняла меня к себе на колени. После чего дьявол исчез, и я проснулся.

На следующее утро я отомстил дьяволу. Пробравшись в комнату, где вдоль стены стояли полки с книгами, я достал библейские сюжеты. Сломанным грифелем, который я носила в кармане фартука, я начала с того, что выцарапала ему злые глаза. Несколько мгновений спустя, когда я был готов выйти из комнаты, на странице, где когда-то было изображение дьявола, зияла рваная дыра.

V.

ЖЕЛЕЗНАЯ РУТИНА

Холодным зимним утром нас разбудил громкий звонок в половине седьмого. От счастливых грез о западных холмистых землях и ничем не прикрытой свободе мы вывалились на холодные голые полы и снова окунулись в бледнолицый день. У нас было совсем немного времени, чтобы натянуть обувь и одежду и промокнуть глаза ледяной водой, прежде чем в маленький ручной колокольчик энергично зазвонили, объявляя перекличку.

Было слишком много сонных детей и слишком много заказов на день, чтобы тратить время на какие-либо извинения природе за то, что она устроила своим детям такой шок ранним утром. Мы бросились вниз, перепрыгивая через две высокие ступеньки за раз, и приземлились в актовом зале.

В дверях появилась бледнолицая женщина с раскрытой книжкой в желтой обложке под мышкой и обглоданным карандашом в руке. Ее маленькое, усталое лицо было холодно освещено парой больших серых глаз.

Она неподвижно стояла в ореоле властности, в то время как ее глаза поверх оправы очков нервно оглядывали комнату. Просмотрев свой длинный список имен и назвав первое, она вздернула подбородок и посмотрела сквозь стекла очков, чтобы убедиться в ответе "Здесь".

Ее карандаш безжалостно зачеркивал наши ежедневные записи, если мы не присутствовали, чтобы откликнуться на свое имя, и ни один из наших приятелей не сделал этого успешно за нас. Независимо от того, задержала ли отсутствующего тупая головная боль или мучительный кашель от медленного употребления алкоголя, времени было достаточно только для того, чтобы отметить опоздание. Было почти невозможно оторваться от железной рутины после того, как цивилизующая машина однажды начала жужжать свой день; и поскольку во мне было врожденно страдать молча, а не взывать к ушам того, чьи открытые глаза не могли видеть моей боли, я много раз тащился в повседневной упряжи с тяжелыми ногами, как бессловесное больное животное.

Однажды я потерял дорогую одноклассницу. Я хорошо помню, как она хандрила рядом со мной, пока однажды утром не смогла поднять голову от подушки. Я стоял у ее смертного одра, рыдая, а бледнолицая женщина сидела рядом с ней, облизывая пересохшие губы. Среди складок

постельного белья я увидел открытые страницы Библии белого человека. Умирающая индианка бессвязно говорила об Иисусе Христе и бледнолицем, который охлаждал ее распухшие руки и ноги.

Я ожесточился и упрекнул эту женщину за жестокое пренебрежение к нашим физическим недугам. Я презирал карандаши, которые двигались автоматически, и единственную чайную ложку, которая раздавала из большой бутылки целебные средства нескольким по-разному заболевшим индийским детям. Я винил трудолюбивую, благонамеренную, невежественную женщину, которая насаждала в наших сердцах свои суеверные идеи. Хотя я был угрюм во всех своих мелких неприятностях, как только я почувствовал себя лучше, я был готов снова улыбнуться этой жестокой женщине. В течение недели я снова активно тестировал цепи, которые крепко сковывали мою индивидуальность, как мумию для погребения.

Меланхолия тех черных дней оставила такую длинную тень, что она омрачает путь прошедших с тех пор лет. Эти печальные воспоминания возвышаются над воспоминаниями о гладких школьных днях. Возможно, моя индийская натура - это стонущий ветер, который волнует их сейчас для их нынешнего выступления. Но, как бы бурно это ни звучало внутри меня, оно звучит как низкий голос причудливо раскрашенной морской раковины, который предназначен только для тех ушей, которые склонены к состраданию, чтобы услышать его.

VI.

ЧЕТЫРЕ СТРАННЫХ ЛЕТА.

После первых трех лет учебы в школе я снова провел четыре странных лета на Западе страны.

Все это время я, казалось, висел в самом сердце хаоса, за пределами прикосновения или голоса человеческой помощи. Мой брат, будучи почти на десять лет старше меня, не совсем понимал мои чувства. Моя мать никогда не ходила в школу, и поэтому она была не в состоянии утешить свою дочь, которая умела читать и писать. Казалось, даже в природе не было места для меня. Я не была ни маленькой девочкой, ни высокой, ни дикой индианкой, ни ручной. Эта плачевная ситуация была результатом моего краткого курса на Востоке и неудовлетворительного "десятка" в девичьем возрасте.

Именно в таких тяжелых условиях одним погожим днем, когда я сидел беспокойный и несчастный в хижине моей матери, я услышал звук бодрой поступи пони моего брата на дороге, проходившей мимо нашего жилища. Вскоре я услышала стук колес легкой повозки и знакомое "Эй!" Дави своему пони. Он спрыгнул на голую землю перед нашим домом. Привязав своего пони к одному из выступающих угловых бревен коттеджа с низкой крышей, он ступил на деревянный порог.

Я встретил его там торопливым приветствием, и, когда проходил мимо, он посмотрел мне в глаза со спокойным "Что?".

Когда он заговорил с моей матерью, я сняла веревку с уздечки пони. Схватив поводья и упершись ногами в приборную доску, я мгновенно развернулась. Пони всегда был готов испытать свою скорость. Оглянувшись, я увидела, как Даве машет мне рукой. Я повернул на повороте дороги и исчез. Я пошел по извилистой дороге, которая ползла вверх между

основаниями небольших холмов. Глубокие, изъеденные водой канавы тянулись параллельно с обеих сторон. Сильный ветер дул мне в щеки и трепал рукава. Пони добрался до вершины самого высокого холма и начал ровный забег по ровной местности. Ничто не двигалось на этом огромном круглом горизонте дакотских прерий, кроме высокой травы, над которой ветер колыхал длинные темные волны.

В этом огромном сине-зеленом вигваме я вел себя безрассудно и ничтожно. Мое маленькое сознание удовлетворилось тем, что изо рта пони полетела белая пена.

Внезапно из-под земли размашистой рысью выскочил койот, который повел хитрого вора к холмам и деревне за ними. Поддавшись минутному порыву, я устроил за ним долгую погоню и основательно напугал. Когда я повернулся, чтобы вернуться в деревню, волк присел на задние лапы отдохнуть, потому что был жаркий летний день; и когда я медленно ехал домой, я видел, что его острый нос все еще направлен на меня, пока я не исчез за кромкой вершин холмов.

Через некоторое время я увидел дом моей матери. Даве стоял во дворе и смеялся над старым воином, который показывал указательным пальцем и снова махал всей рукой в сторону холмов. Перекинув одеяло через плечо, он возбужденно говорил и жестикулировал. Даве повернул старика за плечо и указал ему на меня.

"О, хан!" (О, да) - пробормотал воин и пошел своей дорогой. Он взобрался на вершину своего любимого бесплодного холма, чтобы осмотреть окружающие прерии, когда заметил мою погоню за койотом. Его зоркие глаза узнали пони и погонщика. Сразу же забеспокоившись о моей безопасности, он прибежал в хижину моей матери, чтобы предупредить ее. Я не оценил его доброго интереса, потому что беспокойство терзало мое сердце.

Как только он ушел, я спросил Дави еще кое о чем.

"Нет, моя младшая сестренка, я не могу взять тебя с собой на вечеринку сегодня вечером", - ответил он. Хотя мне было недалеко от пятнадцати и я чувствовала, что скоро буду пользоваться всеми привилегиями своей высокой кухни, Дави упорно называл меня своей младшей сестренкой.

Той лунной ночью я расплакалась в присутствии моей матери, когда услышала, как веселые молодые люди проходят мимо нашего коттеджа. Они больше не были ни юными воинами в одеялах и орлиных перьях, ни индийскими служанками с красиво накрашенными щеками. Они проучились три года в школе на Востоке и стали цивилизованными. Молодые люди были одеты в белые мужские пиджаки и брюки с яркими галстуками. На девушках были обтягивающие муслиновые платья с лентами на шее и талии. На этих сборищах они говорили по-английски. Я говорила по-английски почти так же хорошо, как мой брат, но я не была должным образом одета, чтобы меня взяли с собой. У меня не было ни шляпы, ни лент, ни облегающего платья. После возвращения из школы я выбросил свою обувь и снова надел мягкие мокасины.

Пока Дави деловито готовилась уходить, я сдерживала слезы. Но когда я услышала, как он ускорил на своем пони, я закрыла лицо руками и заплакала горячими слезами.

Моя мать была обеспокоена моим несчастьем. Подойдя ко мне, она предложила мне единственную печатную продукцию, которая была у нас дома. Это была индийская Библия, подаренная ей несколько лет назад миссионером. Она пыталась утешить меня. "Вот, дитя мое,

документы белого человека. Почитай немного из них, - сказала она самым благочестивым тоном.

Я взял ее у нее из рук, ради нее самой; но мой разгневанный дух был больше склонен сжечь книгу, которая мне ничем не помогла и была совершенным заблуждением для моей матери. Я не стал его читать, а положил нераспечатанным на пол, где сел на ноги. Тусклый желтый огонек плетеного муслина, горевшего в маленьком сосуде с маслом, мерцал и шипел в ужасной безмолвной буре, последовавшей за моим отказом от Библии.

Теперь мой гнев против судьбы поглотил мои слезы прежде, чем они достигли моих глаз. Я сидел как каменный, опутив голову. Моя мать накинула на голову и плечи шаль и вышла в ночь.

После неопределенного одиночества меня внезапно разбудил громкий крик, пронзивший ночь. Это был голос моей матери, стонающий среди бесплодных холмов, на которых покоились кости похороненных воинов. Она громко взывала к духам своих братьев, чтобы они поддержали ее в ее беспомощном страдании. Мои пальцы стали ледяными, когда я понял, что мои безудержные слезы выдали ей мои страдания, и она горевала обо мне.

Прежде чем она вернулась, хотя я знал, что она уже в пути, потому что она перестала плакать, я погасил свет и прислонил голову к подоконнику.

Множество планов побега из моего окружения крутилось в моей голове. Еще через несколько лун такой суматохи я отправился в восточную школу. Я ехал на железном коне белого человека, думая, что через несколько зим он вернет меня к матери, когда я вырасту высоким и меня будут ждать близкие друзья.

VII.

НАВЛЕКАЮ НА СЕБЯ НЕУДОВОЛЬСТВИЕ МОЕЙ МАТЕРИ.

Во второе путешествие на Восток я отправился не без некоторых предосторожностей. У меня была тайная беседа с одним из наших лучших знахарей, и, покидая его вигвам, я надежно унес в рукаве крошечный пучок волшебных корешков. Это приобретение гарантировало мне друзей, куда бы я ни пошел. Я настолько свято верила в его прелесть, что носила его на протяжении всей школьной рутины больше года. Затем, прежде чем я потерял веру в мертвые корни, я потерял маленький мешочек из оленьей кожи, в котором хранилась вся моя удача.

К концу этого второго трехлетнего семестра я стал счастливым обладателем своего первого диплома. Следующей осенью я отважился поступить в колледж против воли моей матери.

Я написал ей, чтобы получить одобрение, но в ее ответе я не нашел поддержки. Она обратилась с моим уведомлением к детям своих соседей, которые закончили свое образование за три года. Они вернулись в свои дома и разговаривали по-английски с приграничными поселенцами. Ее несколько слов намекнули, что мне лучше отказаться от моих медленных попыток научиться повадкам белого человека и довольствоваться скитаниями по прериям, добывая пропитание дикими кореньями. Я заставил ее замолчать намеренным неповиновением.

Так, бездомный и с тяжелым сердцем, я заново начал свою жизнь среди незнакомых людей.

Когда я прятался в своей маленькой комнате в общежитии колледжа, подальше от презрительных и в то же время любопытных взглядов студентов, я тосковал по сочувствию.

Часто я втайне плакал, жалея, что не уехал на Запад, где меня питала бы любовь моей матери, вместо того чтобы оставаться среди холодной расы, чьи сердца окаменели от предрассудков.

В осенний и зимний сезоны у меня почти не было настоящих друзей, хотя к тому времени несколько моих одноклассников были вежливы со мной на безопасном расстоянии.

Моя мать все еще не простила мою грубость по отношению к ней, и у меня не было времени писать письма. При дневном свете и лампе я пряла из тростника и чертополоха, пока мои руки не устали от плетения волшебного узора, который обещал мне уважение белого человека.

Наконец, в весеннем семестре я принял участие в конкурсе ораторов среди различных классов. По мере приближения дня соревнований казалось невозможным, что событие было так близко, но оно произошло. В часовне собрались все классы вместе с приглашенными гостями. Высокая платформа была устлана ковром и пестро украшена цветами колледжа. Яркий белый свет озарил комнату и четко очертил огромные полированные балки, которые венчали куполообразный потолок. Собравшиеся толпы наполнили воздух пульсирующим ропотом. Когда наступил час выступления, все притихли. Но на стене спокойно тикали старинные часы, отмечавшие трудный момент.

Одного за другим я видел и слышал ораторов. И все же я не мог понять, что они так же сильно, как и я, жаждали благоприятного решения судей. Каждый участник получил громкие аплодисменты, а некоторых от души подбадривали. Слишком скоро подошла моя очередь, и я на мгновение задержался за занавесом, чтобы глубоко вздохнуть. После моих заключительных слов я услышал те же аплодисменты, что и остальные.

Когда я удалялся, я был поражен, получив от моих сокурсников большой букет роз, перевязанный ниспадающими лентами. С этими прекрасными цветами я сбежал со сцены. Этот дружеский знак был упреком мне за те обиды, которые я им причинил.

Позже решением судей мне было присуждено первое место. Затем в зале поднялся безумный шум, где мои одноклассники пели и выкрикивали мое имя во всю глотку; а разочарованные студенты выли и ревели в ужасно диссонирующие жестяные трубы. В этом возбуждении счастливые студенты бросились вперед, чтобы поздравить их. И я не смог скрыть улыбки, когда они пожелали сопровождать меня в процессии в студенческую гостиную, где все собирались успокоиться. Поблагодарив их за доброту, которая побудила их сделать такое предложение, я отправился наедине с ночью в свою маленькую комнату.

Несколько недель спустя я участвовал в качестве представителя колледжа в другом конкурсе. На этот раз соревнование проводилось среди ораторов из разных колледжей нашего штата. Он проходил в столице штата, в одном из крупнейших оперных театров.

Здесь снова проявилось сильное предубеждение против моего народа. Вечером, когда большая аудитория заполнила дом, студенческие организации начали враждовать между собой. К счастью, я был избавлен от того, чтобы стать свидетелем шумных препирательств перед началом конкурса. Оскорбления в адресиндейца, которые срывались с уст наших противников, уже горели в моей груди, как сухая лихорадка.

Но после того, как были произнесены речи, меня ожидал более глубокий ожог. Там, перед этим бескрайним океаном глаз, какие-то хулиганы из колледжа выбросили большой белый флаг с

изображением самой несчастной индианки на нем. Под этим они напечатали жирными черными буквами слова, высмеивающие колледж, который представляла "скво". Такая грубость хуже варварской озлобила меня. Пока мы ждали вердикта судей, я свирепо вглядывался в толпы бледнолицых. Мои зубы были крепко сжаты, когда я увидел, что белый флаг все еще нагло развевается в воздухе.

Затем мы с тревогой наблюдали, как мужчина несет к сцене конверт с окончательным решением.

В тот вечер было разыграно два приза, и один из них был моим!

Злой дух рассмеялся во мне, когда белый флаг исчез из виду, а руки, которые его метали, безвольно повисли в знак поражения.

Как можно быстрее покинув толпу, я вскоре оказался в своей комнате. Остаток ночи я просидел в кресле, глядя в потрескивающий огонь. Я больше не смеялся от триумфа, находясь в таком одиночестве. Маленький привкус победы не утолил голода в моем сердце. Мысленно я видел свою мать далеко отсюда, на Западных равнинах, и она выдвигала против меня обвинение.

ИНДИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ Среди ИНДИЙЦЕВ

Я.

МОЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Хотя из-за болезни я не смог продолжить обучение в колледже, моя гордость удерживала меня от возвращения к матери. Если бы она знала о моем изношенном состоянии, она бы сказала, что документы белого человека не стоят той свободы и здоровья, которые я потерял из-за них. Такой упрек от моей матери был бы невыносим, и, как я чувствовал тогда, это было бы слишком правдиво, чтобы чувствовать себя комфортно.

С той зимы, когда мне впервые приснились красные яблоки, я медленно приближался к утреннему горизонту. Не было никаких сомнений относительно направления, в котором я хотел двигаться, чтобы направить свою энергию на работу на благо индийской расы. Таким образом, я коротко написал своей матери, сообщив, что мой план на этот год - преподавать в школе Восточной Индии. Отправив это сообщение ей на Запад, я сразу же отправился на восток.

Таким образом, я обнаружил, что, уставший и разгоряченный, в черной завесе автомобильного дыма, устало стою на углу улицы старомодного городка в ожидании машины. Еще несколько минут, и я был бы на территории школы, где для моих неопытных рук была готова новая работа.

Войдя в школьный городок, я был удивлен густо сгруппированными зданиями, которые делали его причудливой маленькой деревушкой, гораздо более интересной, чем сам город. Большие деревья среди домов придавали этому месту прохладную, освежающую тень, а трава - более насыщенный зеленый цвет. Внутри этого большого двора, заросшего травой и деревьями, стоял невысокий зеленый насос. У странного коробчатого футляра сбоку была вращающаяся ручка, которая постоянно лязгала и поскрипывала.

Я представился, и меня провели в мою комнату — маленькую, устланную коврами, с жуткими стенами и потолком. Два окна, оба на одной стороне, были занавешены тяжелым муслином,

пожелтевшим от времени. В одном углу комнаты стояла чистая белая кровать, а напротив нее - квадратный сосновый стол, покрытый черным шерстяным одеялом.

Не снимая шляпы с головы, я уселся на один из двух стульев с жесткой спинкой, стоявших рядом со столом. Несколько ударов сердца я сидел неподвижно, переводя взгляд с потолка на пол, со стены на стену, изо всех сил пытаясь представить себе годы довольства там. Даже когда я задавался вопросом, поддержат ли меня мои истощенные силы в этом предприятии, я услышал тяжелые шаги, остановившиеся у моей двери. Открыв ее, я увидел внушительную фигуру статного седовласого мужчины. Держа в одной руке легкую соломенную шляпу, а правую протянув для приветствия, он доброжелательно улыбнулся мне. По какой-то причине я был поражен его удивительным ростом и сильными квадратными плечами, которые, как мне казалось, были на длину пальца выше моей головы.

Я всегда был худощавым, а из-за тяжелой болезни ранней весной я выглядел довольно хрупким и вялым. Он быстрым взглядом оценил мой рост и ширину. Затем он посмотрел мне в лицо. Мне показалось, что по его лицу пробежала заметная тень, когда он отпустил мою руку. Я знал, что он был не кем иным, как моим работодателем.

- Ах-ха! так ты и есть та маленькая индианка, которая вызвала ажиотаж среди ораторов колледжа! - сказал он, скорее себе, чем мне. Мне показалось, что я услышала тонкую нотку разочарования в его голосе. Заглянув со своего места, он одним быстрым взглядом спросил, не хватает ли мне чего-нибудь для моей комнаты.

После того, как он повернулся, чтобы уйти, я прислушивалась к его шагам, пока они не затихли вдали. Я понимал, что мой прокуренный вид не скрыл морщин боли на моем лице.

На короткий миг мой дух посмеялся над моим невезением, и я лелеял мысль приложить усилия, чтобы добиться улучшения. Но когда я сбросил шляпу, свинцовая слабость охватила меня, и я почувствовал, что годы усталости навалились на меня, как пропитанные водой бревна. Я бросился на кровать и, закрыв глаза, забыл о своем добром намерении.

II.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД.

Однажды знойным месяцем я сидел за столом, заваленным работой. Теперь, когда я вспоминаю это, я удивляюсь, как я мог осмелиться с таким безрассудством пренебречь предупреждением природы. К счастью, унаследованная мною изумительная выносливость позволяла мне сгибаться, не ломаясь.

Хотя я ходил взад и вперед, из своей комнаты в офис, в печальном молчании, окружающие наблюдали за мной. Ранним утром меня вызвали в кабинет суперинтенданта. В течение получаса я слушал его слова, а когда вернулся в свою комнату, то запомнил одно предложение лучше остальных. Это было так: "Я собираюсь отпустить тебя на пастбище!" Он посылал меня на Запад набирать учеников из Индии для школы, и это был его способ выразить это.

Я нуждался в пище, но путешествие в середине лета через континент в поисках в жарких прериях самоуверенных родителей, которые доверили бы своих детей незнакомцам, было скудным пастбищем. Однако я не терял надежды увидеть свою мать. Я пытался убедить себя, что перемена обстановки - это отдых. Через пару дней я направился к дому моей матери.

Сильная жара и липкий автомобильный дым, сопровождавшие меня по пути домой, заметно не восстановили мои жизненные силы. Час за часом я смотрел на местность, которая быстро удалялась от меня. Я заметил, как постепенно расширяется горизонт по мере того, как мы выезжали из лесов на равнины. Огромные здания, башни которых возвышались над густыми лесами и гигантские скопления которых образовывали большие города, уменьшались вместе с рощами, пока не остались только маленькие бревенчатые хижины, уютно устроившиеся на лоне бескрайней прерии. Тени облаков, скользившие по колышущейся желтизне давно высохших трав, взволновали меня, как встреча старых друзей.

На маленькой станции, состоящей из одного каркасного дома с шаткой дощатой дорожкой вокруг, я вышел из "железного коня", всего в тридцати милях от моей матери и моего брата Даве. Сильный горячий ветер, казалось, был полон решимости сорвать с меня шляпу и вернуть меня в прежние времена, когда я бродил с непокрытой головой по холмам. После того, как пыхтящий паровоз моего поезда умолк, я стоял на платформе в глубоком одиночестве. Вдалеке я увидел, как пологая местность переходит в голые холмы. У их подножия широкая серая дорога огибала их, пока не упиралась в станцию. Среди этих холмов я ехал в легком экипаже с надежным возницей, чьи нечесанные льняные волосы лохматились у него на ушах, а кожаная шея была красновато-коричневой. В результате несчастного случая или кариеса он потерял один из своих длинных передних зубов.

Хотя я и называю его бледнолицым, щеки у него были кирпично-красные. Его влажные голубые глаза, затуманенные и налитые кровью, непроизвольно подергивались. Долгое время он ехал по траве и снегу от этой уединенной станции до индейской деревни. Испачканная непогодой одежда плохо сидела на его искривленных плечах. Он был сутуловат, и его выступающий подбородок с пучком сухого льна кивал так же монотонно, как и голова его верного зверя.

Все утро я оглядывался по сторонам, узнавая старые знакомые очертания скалистых утесов и холмов с круглыми вершинами. На обочине дороги я мельком увидел различные растения, сладкие корни которых были деликатесом у моего народа. Когда я увидел первый конусообразный вигвам, я не смог удержаться от восклицания, которое заставило моего водителя внезапно очнуться от своего сонного кивания.

В полдень, когда мы проезжали через восточную границу резервации, я почувствовал сильное нетерпение и беспокойство. Я постоянно задавался вопросом, что сказала бы моя мать, увидев, как выросла ее маленькая дочь. Я не написал ей в день своего приезда, думая, что смогу удивить ее. Перейдя овраг, заросший низким кустарником и сливовыми зарослями, мы приблизились к большому желтому акру диких подсолнухов. Сразу за этим природным садом мы приблизились к коттеджу моей матери. Рядом с бревенчатой хижинкой стоял небольшой, покрытый брезентом вигвам. Водитель остановился перед открытой дверью, и через долгое мгновение на пороге появилась моя мать.

Я ожидал, что она выбежит поприветствовать меня, но она стояла неподвижно, все это время глядя на обветренного мужчину рядом со мной. Наконец, когда ее высокомерие стало невыносимым, я позвал ее: "Мама, почему ты останавливаешься?"

Это, казалось, нарушило неприятный момент, и она поспешила прижать мою голову к своей щеке.

- Дочь моя, какое безумие овладело тобой, что ты привела домой такого парня? - спросила она, указывая на водителя, который шарил по карманам в поисках мелочи, зажав в неровных зубах купюру, которую я ему дал.

- Приведи его! Нет, мама, он привел меня! Он водитель! - Воскликнула я.

Услышав это откровение, моя мать обняла меня и извинилась за свой ошибочный вывод. Мы рассмеялись, чтобы заглушить минутную обиду. Затем она развела небольшой костер на земле в вигваме и повесила почерневший кофейник на один из зубцов раздвоенного шеста, который был наклонен над пламенем. Поставив сковороду на кучу красных углей, она испекла немного пресного хлеба. Этот легкий завтрак она принесла в каюту и расставила на столе, покрытом клетчатой клеенкой.

Моя мать никогда не ходила в школу, и хотя она всегда намеревалась поступиться своими обычаями ради того, что нравится белым людям, она шла только на компромиссы. Два ее окна, расположенные прямо напротив друг друга, были занавешены рисунком в розовый цветочек. Голые бревна не были окрашены и грубо обтесаны топором так, чтобы подходить друг к другу. Дерновая крыша пыталась похвастаться крошечными подсолнухами, семена которых, вероятно, были посеяны постоянным ветром. Прислонившись головой к бревнам, я почувствовал специфический запах, который никак не мог забыть. Дожди пропитали землю и крышу так, что запах влажной глины был всего лишь естественным дыханием такого жилища.

"Мама, почему твой дом не зацементирован? Неужели тебя не интересует более удобное убежище?" - Спросил я, когда очевидные неудобства ее дома, казалось, наводили на мысль о безразличии с ее стороны.

- Ты забываешь, дитя мое, что я уже стара и больше не работаю с бисером. Твой брат Даве тоже потерял свое положение, и мы остались без средств, чтобы купить хотя бы кусочек еды, - ответила она.

Дави был государственным служащим в нашей резервации, когда я в последний раз получал от него весточку. Я был удивлен, услышав, что сказала моя мать по поводу отсутствия у него работы. Увидев озадаченное выражение моего лица, она продолжила: "Дави! О, разве он не сказал тебе, что Великий Отец в Вашингтоне послал белого сына отобрать у твоего брата перо? С тех пор Даве не смог воспользоваться образованием, которое дала ему восточная школа".

Я не нашел слов, чтобы ответить удовлетворительно. Я не нашел причины, которая охладила бы мои воспаленные чувства.

Дави был в прерии на целый день пути, и моя мать ждала его только на следующий день. Мы молчали.

Когда, наконец, я поднял голову, чтобы яснее расслышать завывание ветра в бревнах в углу, я заметил, что дневной свет проникает в темную комнату через несколько мест, где бревна были подогнаны неровно. Повернувшись к моей матери, я попросил ее рассказать мне подробнее о беде Дави, но она только сказала: "Ну, дочь моя, эта деревня уже много зим была убежищем для белых разбойников. Индеец не может пожаловаться Великому Отцу в Вашингтон, не испытав за это возмущения здесь. Дави пытался добиться справедливости для нашего племени в небольшом деле, и сегодня ты видишь всю глупость этого."

И снова, хотя она остановилась, чтобы послушать, что я могу сказать, я промолчал.

"Дитя мое, есть только один источник справедливости, и я неустанно молилась Великому Духу, чтобы он отомстил за наши обиды", - сказала она, видя, что я не шевелю губами.

Моя разбитая энергия была неспособна дольше сохранять веру, и я отчаянно закричала: "Мама, не молись больше! Великому Духу все равно, будем мы жить или умрем! Давайте не будем искать добра или справедливости: тогда мы не будем разочарованы!"

- Ш-ш-ш! дитя мое, не говори так безумно. Есть Таку Иетан Васака, [1] которому я молюсь ", - ответила она и снова погладила меня по голове, как делала, когда я был маленьким.

[Сноска 1: Абсолютная Власть.]

III.

ПРОКЛЯТИЕ МОЕЙ МАТЕРИ, НАВИСШЕЕ Над БЕЛЫМИ ПОСЕЛЕНЦАМИ.

Однажды черной ночью мы с мамой сидели одни при тусклом свете звезд перед нашим вигвамом. Мы стояли лицом к реке и говорили о сужающихся границах деревни. Она рассказала мне о бедных белых поселенцах, которые жили в пещерах, вырытых в длинных ущельях высоких холмов за рекой.

Целое племя широкоплечих белых нищих устремилось сюда, чтобы предъявить права на эти дикие земли. Как раз в тот момент, когда она рассказывала это, я заметил маленький мерцающий огонек на утесах.

"Это вигвам белого человека, там, где вы видите горящий костер", - сказала она. Затем, на небольшом расстоянии от него, лишь немного ниже первого, был еще один огонек. По мере того как я привык к ночи, я видел все больше и больше мерцающих огоньков, тут и там разбросанных по широкому черному берегу реки.

Все еще глядя на далекий свет костра, моя мать продолжала: "Дочь моя, остерегайся бледнолицых. Это был жестокий бледнолицый, который стал причиной смерти твоей сестры и твоего дяди, моего храброго брата. Именно этот бледнолицый предлагает на одной ладони священные писания, а другой совершает святое крещение огненной водой. Он лицемер, который одним глазом читает: "Не убивай", а другим злорадствует над страданиями индийской расы". Затем, внезапно обнаружив новый огонь на утесах, она воскликнула: "Так, так, дочь моя, вот и свет еще одного белого негодяя!"

Она вскочила на ноги и, твердо стоя рядом со своим вигвамом, наслала проклятие на тех, кто сидел вокруг ненавистного фонаря белого человека. С силой подняв правую руку на уровень глаз, она собрала всю свою мощь в сложенный кулак и яростно метнула его в незнакомцев. Она долго протягивала вытянутые пальцы к домику поселенца, как будто невидимая сила передавалась от них тому злу, против которого она была направлена.

IV.

РЕТРОСПЕКТИВА.

Оставив мать, я вернулся в школу на Востоке. Проходили месяцы, и я постепенно осознал, что огромная армия белых учителей в индийских школах исповедует более широкое миссионерское вероучение, чем я подозревал.

Это было то, что включало в себя самосохранение в такой же степени, как и индийское образование. Когда я увидел употребляющего опиум человека, занимающего должность учителя индейцев, я не понимал, чего хорошего от него можно ожидать, пока один христианин, находящийся у власти, не ответил, что у этого существа цвета тыквы есть слабаямать, которую нужно содержать. Пьяный бледнолицый глупо сидел в кресле врача, в то время как индийские пациенты уносили свои недуги в безвременную могилу, потому что его прекрасная жена зависела от него в своем ежедневном питании.

Мне трудно считать этого белого человека учителем, который мучил амбициозного индийского юношу, часто напоминая храброму подменышу, что он всего лишь "государственный нищий".

Хотя я сгорал от негодования, обнаружив со всех сторон случаи, не менее позорные, чем те, о которых я упомянул, настоящей помощи не было. Даже те немногие, кто благородно трудился на благо моей расы, были бессильны выбрать себе подобных. Конечно, Великий Отец посылал человека инспектировать индийские школы, но то, что он видел, обычно было образцовыми работами учеников, *сделанными* для выставки. Я был уязвлен этой хитростью рабочих, которые подмигнули бледному Отцу индейца в Вашингтоне.

Моя болезнь, которая помешала окончанию моего курса в колледже, а также рассказы моей матери о вторгающихся приграничных поселенцах не оставляли мне настроения напрягать зрение в поисках скрытого добра в моих белых коллегах.

На этом этапе моей собственной эволюции я был готов проклинать людей с ограниченными способностями за то, что они были карликами, какими создал их Бог. В процессе своего образования я потерял всякое представление об окружающем меня мире природы. Таким образом, когда скрытый гнев привел меня в маленькую тюрьму с белыми стенами, которую я тогда называл своей комнатой, я неосознанно отвернулся от своего единственного спасения.

Одна в своей комнате, я сидела, как окаменевшая индианка, о которой мне часто рассказывала моя мать. Я хотела, чтобы бремя моего сердца превратило меня в бесчувственный камень. Но живой, в своей могиле, я был обездолен!

Из-за бумаг белого человека я отказался от своей веры в Великого Духа. Из-за этих же бумаг я забыл об исцелении деревьями и ручьями. Из-за простого взгляда моей матери на жизнь и моего отсутствия такового, я бросил и ее. У меня не было друзей среди людей, которых я ненавидел. Подобно стройному деревцу, я был оторван с корнем от своей матери, природы и Бога. Я был лишен своих ветвей, которые колыхались в знак сочувствия и любви к дому и друзьям. Естественный слой коры, который защищал мою сверхчувствительную натуру, был соскоблен очень быстро.

Теперь я казался холодным голым столбом, посаженным в чужую землю. И все же я, казалось, надеялся, что настанет день, когда моя немая ноющая голова, задранная к небу, озарит небеса

зигзагообразной молнией. С этой мечтой дать выход долго сдерживаемому сознанию я снова шел среди толпы.

Наконец, в один утомительный день в классной комнате мне в голову пришла новая идея. Это был новый способ решения проблемы моего внутреннего "я". Мне это понравилось. Таким образом, я оставил свою должность учителя; и теперь я нахожусь в восточном городе, следуя долгому курсу обучения, который я наметил для себя. Теперь, когда я оглядываюсь на недавнее прошлое, я вижу его издалека, в целом. Я вспоминаю, как с утра до вечера многие представители цивилизованных народов посещали индийскую школу. Горожане с тростями и в очках, сельские жители с загорелыми щеками и неуклюжими ногами в невежественном любопытстве забыли о своем относительном социальном ранге. Оба вида этих бледнолицых христиан были одинаково поражены, увидев детей диких воинов такими послушными и трудолюбивыми.

В качестве ответов на свои поверхностные вопросы они получили образцы работ студентов для ознакомления. Изучив аккуратно разрисованные страницы и посмотрев на индейских девочек и мальчиков, склонившихся над своими книгами, белые посетители вышли из здания школы вполне довольные: они обучали детей краснокожего человека! Они платили щедрую плату государственным служащим, в умелых руках которых находился небольшой лес из индийской древесины.

Таким образом, многие праздно посещали индийские школы в течение последнего десятилетия, чтобы потом похвастаться своей благотворительностью североамериканским индейцам. Но мало кто задумывался над тем, что скрывается за этим подобием цивилизации - настоящая жизнь или длительная смерть.

ВЕЛИКИЙ ДУХ

Когда дух переполняет мою грудь, я люблю неторопливо бродить среди зеленых холмов; или иногда, сидя на берегу журчащей Миссури, я любуюсь необъятной синевой над головой. Полузакрыв глаза, я наблюдаю за огромными тенью облаков в их бесшумной игре на высоких утесах напротив меня, в то время как до моего слуха доносятся сладкие, мягкие ритмы песни реки. Сложенные руки лежат у меня на коленях, ибо время забыто. Я и мое сердце лежим на земле маленькими, как песчинка, пульсирующая в воздухе. Плывущие облака и журчание воды вместе с теплом погожего летнего дня красноречиво говорят о любящей Тайне, окружающей нас. За время простоя, пока я сидел на солнечном берегу реки, я несколько подрос, хотя моя реакция проявлялась не так явно, как в зеленой траве, окаймляющей край высокого утеса за моей спиной.

Наконец, возвращаясь по ненадежной тропинке, взбирающейся на обрывистую насыпь, я ищу ровные участки, где растут дикие цветы прерий. И они, милые маленькие человечки, успокаивают мою душу своим ароматным дыханием.

Их причудливые круглые лица разного оттенка убеждают сердце, которое подпрыгивает от радостного удивления, что они тоже являются живыми символами всемогущей мысли. Жадным взором ребенка я впитываю мириады звездных очертаний, выполненных роскошным цветом на зелени. Прекрасна духовная сущность, которую они воплощают.

Я оставляю их покачиваться на ветру, но забираю с собой их отпечаток в свое сердце. Я останавливаюсь, чтобы передохнуть на камне, вделанном в склон предгорья, обращенного к низкому дну реки. Здесь Каменный Мальчик, о котором рассказывает американский абориген, резвится, пуская свои маленькие стрелы и громко крича от радости при виде крошечных разрядов молний, вылетающих из клювов летящих стрел. Каким идеальным воином он стал, срывая осаду вредителей со всей страны, пока не одержал победу над их объединенной атакой. И вот он лежал — Иньян, наш прапрадедушка, старше холма, на котором он покоился, старше расы людей, которые любят рассказывать о его замечательной карьере.

Вплетенный в нить этой индейской легенды о скале, я хотел бы проследить тонкие знания коренных жителей, которые позволили им распознать родство с любой частью этой огромной вселенной. По древней тропе я направляюсь к индейской деревне.

С сильным, счастливым ощущением того, что и великие, и малые так уверенно охвачены Его величием, что у каждого, без сомнения, есть отведенный ему индивидуальный круг возможностей, я полон жизнерадостности и добродушия.

Желтая Грудка, покачивающаяся на тонком стебле дикого подсолнуха, ласково уверяет меня в этом, когда я прохожу мимо. Обрывая чистую хрустальную песню, он поворачивает свою маленькую головку из стороны в сторону, мудро разглядывая меня, пока я медленно бреду в мокалинах. Затем он снова отдается своей песне радости. Порхая, порхая туда-сюда, он наполняет летнее небо своей быстрой, сладкой мелодией. И действительно, кажется, что его энергичная свобода больше заложена в его маленьком духе, чем в его крыльях.

С этими мыслями я добираюсь до бревенчатой хижины, куда меня сильно влечет привязанность ребенка к престарелой матери. Навстречу мне выбегает мой четвероногий друг, резвясь на моем пути с нескрываемым восторгом. Чен - черная лохматая собака, "чистокровная маленькая дворняжка", которую я очень люблю. Чен, кажется, понимает многие слова на языке сиу и ложится на свою подстилку, даже когда я шепчу это слово, хотя в целом я думаю, что она ориентируется по тону голоса. Часто она пытается имитировать скользящие интонации и протяжный голос, чтобы позабавить наших гостей, но ее артикуляция совершенно недоступна моему уху. Обеими руками я держу ее лохматую голову и смотрю в ее большие карие глаза. Тут же расширенные зрачки сжимаются в крошечные черные точки, как будто плутоватый дух внутри хочет ускользнуть от моих расспросов.

Наконец, возвращаясь в кресло за своим столом, я испытываю острую симпатию к своим ближним, ибо, кажется, снова ясно вижу, что все они родственны. Расовые различия, которые когда-то были горько реальными, теперь служат не более чем разметкой живой мозаики человеческих существ. И даже здесь мужчины одного цвета кожи подобны клавишам из слоновой кости одного инструмента, где каждый похож на все остальные, но отличается от них высотой и качеством голоса. И те существа, которые на какое-то время становятся всего лишь отголосками чужой ноты, мало чем отличаются от басни о худом больном человеке, чья искаженная тень, одетая как настоящее существо, пришла к старому мастеру, чтобы заставить его следовать за собой в качестве тени. Таким образом, с состраданием ко всем отголоскам человеческого облика я приветствую "местного проповедника" с серьезным лицом, который, как я нахожу, ожидает меня. Я слушаю с уважением к Божьему созданию, хотя он очень странно произносит звенящие фразы фанатичного верования.

Поскольку наше племя — это одна большая семья, где каждый человек связан со всеми остальными, он обратился ко мне: -

- Кузен, я пришел с утренней церковной службы, чтобы поговорить с тобой.

- Да? - Вопросительно спросила я, когда он замолчал, ожидая от меня какого-нибудь слова.

Беспокойно ерзая на стуле с прямой спинкой, на котором сидел, он начал: "Каждый святой день (воскресенье) Я смотрю на дом нашего маленького Бога и, не увидев тебя там, разочаровываюсь. Вот почему я пришел сегодня. Кузен, наблюдая за тобой издалека, я не вижу ничего неподобающего в поведении и слышу о тебе только хорошие отзывы, что еще больше разжигает во мне желание, чтобы ты был членом церкви. Кузен, много лет назад добрые миссионеры научили меня читать священную книгу. Эти благочестивые люди научили меня также безрассудству наших старых верований.

"Есть один Бог, который дарует награду или наказание роду мертвых людей. В верхнем регионе умершие христиане собираются в непрестанных песнях и молитвах. В глубокой яме внизу грешники танцуют в мучительном пламени.

"Подумай об этих вещах, мой кузен, и сделай выбор сейчас, чтобы избежать загробной участи в адском огне!" Затем последовало долгое молчание, во время которого он крепче сжимал и снова разжимал сцепленные пальцы.

Подобно мгновенным вспышкам молнии, появились картины, сделанные моей собственной матерью, потому что она тоже теперь приверженка нового суеверия.

"Выбив щель в нашей бревенчатой хижине, чья-то злая рука сунула туда горящий пучок сплетенной сухой травы, но его намерение не удалось, потому что огонь погас, и наполовину сгоревшая головня упала внутрь на пол. Прямо над ним, на полке, лежала священная книга. Это то, что мы нашли после нашего возвращения после нескольких дней визита. Несомненно, в священной книге скрыта какая-то великая сила!"

Смахнув со своих глаз множество подобных картинок, я предложил полуденную трапезу обращенному индейцу, сидевшему безмолвно и с опущенным лицом. Не успел он подняться из-за стола со словами "Кузина, мне это понравилось", как зазвонил церковный колокол.

Туда он поспешил со своей слепополуденной проповедью. Я наблюдал за тем, как он ускорил шаг, не сводя глаз с пыльной дороги, пока он не исчез в конце четверти мили.

Этот небольшой инцидент напомнил мне о экземпляре миссионерской газеты, который попал в мое поле зрения несколько дней назад, в котором "христианский" боксер прокомментировал мою недавнюю статью, грубо извращающую дух моего пера. И все же я бы не стал забывать, что бледнолицый миссионер и абориген в капюшоне - оба Божьи создания, хотя их собственные представления о Бесконечной Любви действительно невелики. Крошечный ребенок, бредущий в мир чудес, я предпочитаю их догме свои экскурсии в природные сады, где голос Великого Духа слышен в щебетании птиц, журчании могучих вод и сладком дыхании цветов.

Здесь, в мимолетной тишине, Меня будит развевающееся одеяние Великого Духа. Для моего глубочайшего сознания феноменальная вселенная - это королевская мантия, вибрирующая от

Его божественного дыхания. В его струящейся бахrome улавливаются блески и колеблющиеся блики солнца, луны и звезд.

МЯГКОСЕРДЕЧНЫЕ СИУ

Я.

Я сидел в нашем вигваме у открытого огня. Плотнo закутав ноги в красное одеяло, я думал о предстоящем сезоне, о своей шестнадцатой зиме. По обе стороны от вигвама стояли мои родители. Отец, насвистывая мелодию сквозь зубы, чистил голый рукой красную каменную трубку, которую он недавно вырезал. Почти передо мной, за центральным камином, у входа сидела моя старая бабушка.

Она повернула лицо направо и большую часть своих слов адресовала моей матери. Время от времени она заговаривала со мной, но ни разу не позволила своему взгляду задержаться на муже своей дочери, моем отце. Только в редких случаях моя бабушка что-нибудь говорила ему. Таким образом, его уши были открыты и готовы уловить малейшее желание, которое она могла выразить. Иногда, когда моя бабушка говорила что-то, что доставляло ему удовольствие, мой отец обычно комментировал это. В другое время, когда он не мог одобрить то, что было сказано, он работал или молча курил.

В этот вечер моя старая бабушка начала рассказывать обо мне. Набив чашечку своей красной каменной трубки сухой ивовой корой, она посмотрела на меня.

"Внучек мой, ты вырос и больше не маленький мальчик". Прищуриw свои старые глаза, она спросила: "Внучек мой, когда ты собираешься привести сюда красивую молодую женщину?" Я устоял в огонь, чтобы не встречаться с ней взглядом. Ожидая моего ответа, она наклонилась вперед и через длинный стержень втянула пламя в красную каменную трубку.

Я улыбнулась, не отрывая глаз от яркого огня, но ничего не сказала в ответ. Повернувшись к маме, она предложила ей трубку. Я посмотрела на бабушку. Свободный рукав из оленьей кожи спадал у локтя, обнажая запястье, унизанное серебряными браслетами. Подняв вверх пальцы левой руки, она назвала самых привлекательных молодых женщин нашей деревни.

"Который, внучек мой, который?" спросила она.

"Нoх!" - Что? - спросила я, в замешательстве теребя одеяло. "Еще нет!" Тут моя мать передала трубку над огнем моему отцу. Затем она тоже начала говорить о том, что я должен делать.

"Сын мой, будь всегда активен. Не отказывайся от долгой охоты. Научись добывать много бизоньего мяса и оленьих шкур, прежде чем приведешь домой жену". Вскоре отец отдал трубку моей бабушке, и наступила его очередь произносить увещевания.

"Эй, сын мой, в глубине души я считаю храбрейших воинов нашего народа. Ни один из них не завоевал свой титул в свою шестнадцатую зиму. Сын мой, это великое дело для храбреца в возрасте шестнадцати зим.

Я не мог сказать ни слова в ответ. Я хорошо знал славу моего отца-воина. Он заслужил право произносить такие слова, хотя даже он сам был храбрецом только в моем возрасте. Отказавшись курить трубку моей бабушки, потому что их слова слишком взволновали мое сердце, и сильно обеспокоенный страхом, что я их разочарую, я встал, чтобы уйти. Натягивая

одеяло на плечи, я сказала, направляясь к выходу: "Я иду стреножить своего пони. Сейчас поздняя ночь".

II.

В ту ночь, когда моя старая бабушка вместе с моими отцом и матерью проектировали мое будущее при свете лагерного костра, снег выпал глубокими заносами девяти зим.

И все же я не вырос воином, охотником и мужем, каким должен был стать. В школе при миссии я узнал, что убивать неправильно. Девять зим я охотился ради мягкого сердца Христа и молился за охотников, которые преследовали буйволов на равнинах.

Осенью десятого года меня отправили обратно в мое племя проповедовать им христианство. С Библией белого человека в руке и нежным сердцем белого человека в груди я вернулся к своему народу.

Одетый в платье иностранца, я вошел, чужак, в деревню моего отца.

Спросив у меня дорогу, поскольку я не забыл свой родной язык, старик повел меня к вигваму, где лежал мой отец. От моего старого товарища я узнал, что мой отец болел много лун. Когда мы приблизились к вигваму, я услышал внутри него пение знахаря. Я сразу же захотел войти и изгнать из своего дома колдуна равнин, но старый воин остановил меня. "Эй, подожди снаружи, пока знахарь не уйдет от твоего отца", - сказал он. Во время разговора он оглядел меня с головы до ног. Затем направился обратно к центру кемпинга.

Жилище моего отца находилось на окраине деревни круглолицых.

С каждым сердцеедом мне становилось все нетерпеливее войти в вигвам.

Пока я нервными пальцами перелистывал страницы своей Библии, знахарь вышел из дома и поспешно удалился. Его голова и лицо были плотно прикрыты свободным одеянием, которое облегло всю его фигуру.

Он был высоким и рослым. Я никогда не забуду его широких шагов. Тогда они казались мне жуткой поступью вечной смерти. Быстро сунув Библию в карман, я вошел в типи.

На циновке лежал мой отец с морщинистым лицом и седыми волосами. Его глаза и щеки глубоко запали. Его желтоватая кожа тонко обтягивала заостренный нос и высокие скулы. Наклонившись к нему, я взял его за пылающую руку. - Как, поел? Я поздоровался с ним. В его вялых глазах вспыхнул огонек, и пересохшие губы приоткрылись. - Сын мой! - пробормотал он слабым голосом. Затем волна радости и узнавания снова схлынула. Он закрыл глаза, и его рука упала с моей раскрытой ладони на землю.

Оглядевшись, я увидел пожилую женщину, сидящую со склоненной головой. Пожимая ей руку, я узнал свою мать. Я сел между отцом и матерью, как делал раньше, но не чувствовал себя дома. Место, где раньше сидела моя старая бабушка, теперь было пустым. Я склонил голову рядом с матерью. У нас одинаково сдавливало горло, и слезы текли из глаз; но нас разделяли далекие по духу идеи и веры. Я скорбел о неспасенной душе; и я думал, что моя мать плакала, видя тело храброго человека, изуродованное болезнью.

Бесполезной была моя попытка заменить веру в знахаря абстрактной силой по имени Бог. И вот однажды я праведно сошел с ума от гнева на то, что знахарь таким образом заманил в ловушку душу моего отца. И когда он пришел петь свои священные песни, я указал на дверь и велел ему уходить! Глаза мужчины на мгновение уставились на меня. Медленно запахнув халат, он повернулся спиной к больному и вышел из нашего вигвама. "На, ха, ха! сын мой, я не могу жить без знахаря!" Я слышал, как плакал мой отец, когда святой человек ушел.

III.

Ясным днем, когда крылатые семена степной травы летали туда-сюда, я торжественно направился к центру площадки для лагеря. Мое сердце билось тяжело и неровно. Я крепче сжал священную книгу, которую носил подмышкой. Это было начало дела всей моей жизни.

Хотя я знал, что это будет трудно, я ни разу не почувствовал, что неудача должна стать моей наградой. Неровно ступая по холмистой земле, я думал о воинах, которые скоро смоят свою боевую раскраску и последуют за мной.

Наконец я добрался до места, где люди собрались послушать мою проповедь. На сухой красной траве большим кругом сидели мужчины и женщины. Я стоял на ринге с Библией белого человека в руке. Я пытался рассказать им о мягком сердце Христа.

В тишине огромный круг воинов с непокрытыми головами сидел под послеполуденным солнцем. Наконец, вытерев влагу со лба, я занял свое место на ринге. Тишина собрания наполнила меня великой надеждой.

Я уже обращал свои мысли к небу в знак благодарности, когда какое-то движение снова вернуло меня на землю.

Поднялся высокий, сильный мужчина. Его свободная мантия складками свисала с правого плеча. Пара щелкающих черных глаз впилась в меня, как ядовитые клыки змеи. Он был знахарем. Мое сердце затрепетало, и холод охладил огонь в моих венах.

он презрительно ткнул в мою сторону длинным указательным пальцем и спросил:

"Какой же верный сын тот, кто, возвращаясь к народу своего отца, надевает платье чужеземца?" Он немного помолчал, а затем продолжил: "Одежда того чужеземца, о котором рассказывают, что он связал уроженца нашей земли и, навалив вокруг него сухих веток, разжег огонь у его ног!" Махнув рукой в мою сторону, он воскликнул: "Вот предатель своего народа!"

Я был беспомощен. На глазах у толпы хитрый фокусник превратил мое честное сердце в мерзкое гнездо предательства. Увы! люди хмурились, глядя на меня.

- Послушайте! он продолжал. "Кто из вас, видевших молодого человека, может заглянуть ему за пазуху и предупредить людей о гнезде молодых змей, вылупляющихся там? Чей слух был настолько острым, что он улавливал шипение змей всякий раз, когда молодой человек открывал рот? Это сообщение оказалось ложным не только для вас, но даже для Великого Духа, создавшего его. Он глупец! Почему вы сидите здесь и слушаете глупого человека, который не смог защитить свой народ, потому что боялся убивать, который не смог принести оленины, чтобы продлить жизнь своему больному отцу? Пусть он своими молитвами прогонит врага! С его

мягким сердцем пусть он не умрет от голода! Мы уйдем в другое место, чтобы жить на незапятнанной земле".

С этими словами он разогнал людей. Когда солнце опустилось на западе и ветер стих, деревня с конусообразными вигвамами исчезла. Знахарь завоевал сердца людей.

На месте сражения осталось только жилище моего отца.

IV.

После долгой ночи, проведенной у постели моего отца, я вышел, чтобы встретить утро. Желтое солнце висело ровно между заснеженной землей и безоблачным голубым небом. Свет нового дня был холодным. Сильное дыхание зимы покрыло снег коркой и превратило реки и озера в хрустальные раковины. Когда я стоял перед вигвамом, думая о бескрайних прериях, которые отделяли нас от нашего племени, и задаваясь вопросом, не отделяет ли высокое небо также и мягкосердечного Сына Божьего от нас, ледяной ветер с Севера растрепал мои волосы и череп. Мои запущенные волосы отросли и падали на шею.

Мой отец не вставал с постели с того дня, как знахарь увел людей. Хотя я читал Библию и молился рядом с ним на коленях, мой отец не слушал. И все же я верил, что мои молитвы не остались без внимания на небесах.

"На, ха, ха! сын мой, - простонал отец, когда выпал первый снег. - Сын мой, у нас закончилась еда. Некому принести мне мяса! Сын мой, твое мягкое сердце сделало тебя непригодным ко всему! Затем, прикрыв лицо бизоньей шкурой, он больше ничего не сказал. И вот, стоя на улице тем холодным зимним утром, я умирал с голоду. Два дня я не видел никакой еды. Но мой собственный холод и голод не терзали мою душу так, как жалобный крик больного старика.

Вернувшись в типи, я развязал свои снегоступы, которые были прикреплены к шестам палатки.

Моя бедная мать, присматривая за больным и добросовестно подбрасывая дрова в очаг, сказала мне:

- Сын мой, не забудь еще раз принести своему отцу мяса, иначе он умрет с голоду.

- Как, Ина, - печально ответил я. Выйдя из типи, я снова отправился на поиски еды для своих престарелых родителей. Весь день я тщетно искал белые равнины. Нигде, нигде не было никаких других следов, кроме моих собственных! Вечером этого третьего дня поста я вернулся без мяса. Только вязанку хвороста для костра я принес на спине. Выбросив дрова наружу, я поднял дверную заслонку и ступил одной ногой в вигвам.

Там у меня закружилась голова и я оцепенел. Мои глаза наполнились слезами. Передо мной лежал мой старый седой отец, рыдающий, как ребенок. Своими мозолистыми руками он сжимал бизонью шкуру и зубами отгрызал края. Пережевывая сухие жесткие волосы и бизонью шкуру, отец искал глазами мои руки. Увидев, что они пусты, он воскликнул:

"Сын мой, твое мягкосердечие скорее заставит меня умереть с голоду, чем ты принесешь мне мяса! На двух холмах к востоку пасется стадо крупного рогатого скота. И все же ты увидишь, как я умру, прежде чем принесешь мне еды!"

Оставив маму лежать с закрытой головой на ее циновке, я выбежал в ночь.

Со странным теплом в сердце и быстротой в ногах я преодолел первый холм, а вскоре и второй. Лунный свет, падавший на страну белых, указал мне четкую дорогу к стаду белого человека. Положив руку на нож, висевший у меня на поясе, я тяжело прислонился к забору, пересчитывая стадо.

Всего я насчитал двадцать. Из них я выбрал самое откормленное существо. Перепрыгнув через забор, я вонзил в него свой нож.

Мой длинный нож был острым, и мои руки, уже не такие пугливые и медленные, отрезали отборные куски теплой плоти. Согнувшись под мясом, которое я захватил для своего умирающего от голода отца, я поспешил через прерию.

К дому я почти бежал с животворящей пищей, которую нес на спине. Едва я взобрался на второй холм, как услышал звуки, доносящиеся за мной. Все быстрее и быстрее я бежал со своей ношей к отцу, но звуки догоняли меня. Я услышал стук снегоступов и скрип кожаных ремней у своих каблуков; но я не обернулся, чтобы посмотреть, что меня преследует, потому что был полон решимости добраться до своего отца. Внезапно, как гром, сердитый голос прокричал мне в ухо проклятия и угрозы! Грубая рука вывернула мое плечо и отобрала у меня мясо! Я перестал пытаться бежать. Оглушительный гул наполнил мою голову. Луна и звезды начали двигаться. Теперь белая прерия была небом, и звезды лежали у меня под ногами. Теперь они снова вращались. Наконец звездная синева встала на свое место. Шум в моих ушах стих. Воздух наполнился великой тишиной. В руке я обнаружил свой длинный нож, с которого капала кровь. У моих ног на кроваво-красном снегу распростерлась мужская фигура. Ужасная сцена вокруг казалась игрой моих чувств, поскольку я не мог понять, что она реальна. Долго глядя на окровавленный снег, я наконец узнал груз мяса для моего умирающего от голода отца. Я быстро перекинул его через плечо и снова направился домой.

Усталый и измученный, я добрался до двери вигвама. Неся еду перед собой, я вошел с ней в типи.

- Отец, вот еда! - Воскликнул я, бросив мясо рядом с матерью. Ответа не последовало. Обернувшись, я увидел, что мой седовласый отец мертв! При неверном свете костра я увидел старый седой скелет, лежащий неподвижно.

Я выбрался на открытое место, но снег у моих ног стал кровавым.

V.

На следующий день после смерти моего отца, приведя мою мать в лагерь знахаря, я сдался тем, кто искал убийцу бледнолицего.

Они связали меня по рукам и ногам. Сюда, в эту камеру, меня поместили четыре дня назад.

Пронзительные зимние ветры последовали за мной сюда. Сотрясая решетки, они воют не переставая: "Твое мягкое сердце! твоё мягкосердечие скорее увидит, как я умру, чем ты принесешь мне поесть! Слушай! что-то звякает цепочкой на двери. Ее открывают. Из темной ночи без черной фигуры переступает порог. * * * Это страж. Он приходит предупредить меня о моей судьбе. Он говорит мне, что завтра я должен умереть. Глядя в его суровое лицо, я громко смеюсь. Я не боюсь смерти.

И все же мне интересно, кто придет приветствовать меня в царстве странного зрелища. Дарует ли любящий Иисус мне прощение и даст ли моей душе спокойный сон? или мой отец-воин поприветствует меня и примет как своего сына? Воспарит ли мой дух ввысь, к счастливым небесам? или я должен погрузиться в бездонную пропасть, изгнанный Богом бесконечной любви?

Скоро, очень скоро я узнаю, ибо сейчас я вижу, что восток становится красным. Мое сердце сильно. Мое лицо спокойно. Мои глаза сухи и жаждут новых сцен. Мои руки спокойно висят вдоль тела. Безмятежная и храбрая, моя душа ждет мужчин, которые вздернут меня на виселицу для очередного побега. Я ухожу.

ПУТЬ ИСПЫТАНИЙ

На равнине стояла осенняя ночь. Дымчатые отвороты конусообразного вигвама мягко колыхались на ветру. С низкого ночного неба, усеянного мириадами огненных точек, большая яркая звезда заглядывала в дымовое отверстие вигвама между развевающимися отворотами пиджака и смотрела на двух дакотов, разговаривающих в темноте. Нежный ручей со звезды над головой, двадцатилетняя девушка, лежащая на ложе из душистой травы, впитывала его своими бодрствующими глазами. На противоположной стороне вигвама, за центральным камином, бабушка расстелила свой коврик. Хотя после того, как она легла, рассказ истории заставил ее принять сидячее положение.

Ее глаза плотно закрыты. Тонкой ладонью она гладит свои растрепанные ветром волосы.

"Да, внучек мой, легенда гласит, что большие яркие звезды - это мудрые старые воины, а маленькие тусклые - красивые молодые храбрецы", - повторяет она высоким дрожащим голосом.

"Значит, вон тот, кто заглядывает в дымовое отверстие, - мой дорогой старый дедушка", - задумчиво произносит молодая женщина протяжными словами.

Ее мягкий сочный голос плывет сквозь темноту вигвама, над холодной золой, наваленной в центре костра, и достигает уха беззубой старухи, которая сидит немой в безмолвной задумчивости. Оттуда он летит на более быстрых крыльях над многими зимними снегами, пока, наконец, не рассеивает теплую легкую атмосферу юности ее дедушки. Оттуда ее бабушка ответила:

- Послушай! Я снова молод. Сегодня день смерти твоего дедушки. Я имею в виду старшего, потому что их было двое. Они были как близнецы, хотя и не были братьями. Они были друзьями, неразлучными! Все, хорошее и плохое, они делили вместе, кроме одного, которое сводило их с ума. В этом горячечном безумии молодой человек убил своего самого близкого друга. Он убил своего старшего брата, ибо долгое время их привязанность делала их родственниками".

Голос старой женщины дрогнул. Покачивая сутулыми плечами взад-вперед, когда она сидела на ногах, она бормотала себе под нос бессмысленные восклицания. Ее глаза, крепко зажмуренные от ночи, увидели позади себя свет ушедших дней. Они снова увидели катящуюся черную тучу, распростершуюся над землей. Ее ухо услышало глубокий рокот бури на западе. Она низко склонила съежившуюся голову, в то время как в небе пронзительно кричали сердитые громовые птицы. "Эй! эй!" (Нет! нет!) - простонала беззубая бабушка от ярости,

которую она в себе пробудила. Но наступивший после этого чудесный мир, когда желтое солнце радовало людей, теперь манил ее память вперед, сквозь бурю.

"Как быстро, как громко бьется мое сердце, когда я слушаю ужасный рассказ посланника!" - восклицает она. От свежей могилы убитого человека он поспешил к нашему вигваму. Намеренно скрестив голые ноги, он без приглашения сел рядом с моим отцом, куря трубку с длинным черенком. Едва успев отдышаться, он, задыхаясь, начал:

- "Он был единственным сыном и горячо обожаемым братом".

Он посмотрел на меня дикими, подозрительными глазами, как будто я была в сговоре с человеком-убийцей, моим любовником. Мой отец, выдыхая душистый дым, согласился— "Как?" Затем, прервав "Эйа" на губах круглоглазого рассказчика, он спросил: "Друг мой, ты закуришь?" Он взял трубку за чашу из красного камня и указал длинным тонким черенком на мужчину. - Да, да, друг мой, - ответил он и протянул длинную загорелую руку.

В течение многих сердечных сокращений он выпускал синий дым, который облаком висел между нами. Но даже сквозь дымовую завесу я увидел, как его острые черные глаза сверкнули в мою сторону. Мне очень хотелось спросить, какая участь ожидала юного убийцу, но я не осмеливался открыть рот, чтобы не разразиться криком. Мой отец задал этот вопрос. Возвращая трубку, мужчина ответил: "О, вождь и его избранные люди совещались вместе. Они согласились, что небезопасно позволять убийце людей свободно разгуливать среди нас. Тот, кто убивает кого-то из нашего племени, - враг, и его постигнет участь врага.

- В висках у меня стучало, как пара сердец!

Пока я слушал, мимо типи моего отца прошел глашатай. Вскочив на коня и покачиваясь в такт шагам своего пони, он громким голосом провозгласил эти слова (слушайте! Я слышу их сейчас!): "Хо-по! Слушайте все вы. Совершенно ужасное деяние. Двое друзей — да, братья по сердцу — поссорились. Теперь один похоронен на холме, в то время как другой сидит, страшный убийца людей, в своем жилище ". Говорит наш вождь: "Тот, кто убивает одного из нашего племени, совершает преступление врага. Как таковой, он должен предстать перед судом. Пусть отец убитого выберет способ пытки или лишение жизни. Он испытал невыносимую боль, и только он может судить, насколько велико должно быть наказание за причиненную ему несправедливость ". Это свершилось.

"Приходите все, чтобы стать свидетелями суда отца над тем, кто когда-то был лучшим другом его сына. Дикий пони теперь зааркан. Человекоубийца должен сесть верхом на разглагольствующего зверя. Встаньте все в две параллельные шеренги от центрального вигвама семьи погибших до вигвама напротив в большом внешнем кольце. Между вами, на широком пространстве, находится данный испытательный путь. Из внешнего круга всадник должен сесть на своего пони и направить его к центральному вигваму. Если, пройдя всю дистанцию, человекоубийца доберется до центрального вигвама, все еще сидя на спине пони, его жизнь будет сохранена и ему будет даровано прощение. Но если он падет, значит, он сам выбрал смерть.

Слова глашатая смолкают. Затишье заставляет деревню затаить дыхание. Затем торопливые ноги шуршат по высокой траве. Рыдающие женщины спешат к трапу. Приглушенный стон на круглой лагерьной площадке невыносим. Спрятав лицо в складках одеяла, я бегу вместе с толпой

к открытому месту во внешнем кольце нашей деревни. Через мгновение две длинные шеренги людей с серьезными лицами отмечают путь публичного судебного разбирательства. Ах! Я вижу сильных мужчин, пытающихся вести заарканенного пони, который брыкается и встает на дыбы, изо рта у него летит белая пена. Я задыхаюсь от боли, когда узнаю своего прекрасного возлюбленного, одиноко шагающего с каменным лицом к пони в лассо. "Не упади! Выбери жизнь и меня!" - Кричу я в своей груди, но прикрываю губы толстым одеялом.

В одно мгновение он вскочил верхом на испуганное животное, и мужчины отпустили его. Подобно стреле, выпущенной из крепкого лука, пони с расширенными ноздрями пронесется на полпути к центральному вигваму. Всадник изо всех сил натягивает крепкие поводья. Пони останавливается на деревянных ногах. Всадника с силой бросает вперед, но он не падает. Теперь обезумевшее существо делает выпад, щелкая каблуками. Шеренга мужчин и женщин раскачивается в стороны. Теперь он вернулся на место, в безопасности от брыкающейся и фыркающей твари.

"Пони свирепый, его большие черные глаза вылезают из орбит. С горбатой спиной и прижатым к земле носом он подпрыгивает в воздух. Я закрываю глаза. Я не вижу, как он падает.

Громкий крик вырывается из хриплых глоток мужчин и женщин. Я смотрю. Итак! Дикая лошадь побеждена. Мой возлюбленный спешивается у входа в центральный вигвам. Пони, мокрый от пота и дрожащий от изнеможения, стоит рядом со своим хозяином, как провинившийся пес. Здесь, у входа в типи, сидят скорбящие отец, мать и сестра. Встает старый отец-воин. Сделав два больших шага вперед, он хватается за руку убийцу своего единственного сына. Держа его так, чтобы люди могли видеть, он восклицает сочувственным голосом: "Сын мой!" - Шепот удивления пронесется по рядам, как порыв внезапного ветра.

Мать с опухшими глазами, с волосами, подстриженными каре до плеч, теперь встает. Спеша к молодому человеку, она берет его за правую руку. - Сын мой! - приветствует она его. Но на втором слове ее голос дрогнул, и она, рыдая, отвернулась.

Молодые люди приковывают свои взгляды к молодой женщине. Она не шевелится. Опустив голову, она сидит неподвижно. Старый воин обращается к ней. - Пожми руку юному храбрецу, моя маленькая дочь. Он много лет был другом твоего брата. Теперь он должен быть и другом, и братом для тебя,

После этого девушка встает. Медленно протягивая свою тонкую руку, она кричит подергивающимися губами: "Мой брат!" Суд заканчивается".

- Бабушка! - взорвалась девочка на ложе из душистой травы. - Это правда?

"Тош!" - ответила бабушка с теплотой в голосе. "Все это правда. За пятнадцать зим нашей супружеской жизни из наших рук ушло много пони, но этот маленький победитель, Охиеса, был постоянным членом нашей семьи. Наконец, в тот печальный день, когда умер твой дедушка, Охиеса был убит у могилы".

Хотя различные группы звезд, движущихся по небу, отмечая течение времени, говорили о том, что ночь была в зените, пожилая женщина из Дакоты рискнула объяснить церемонию погребения.

"Внучек мой, я едва ли когда-либо вдыхал священные знания в свое сердце. Сегодня вечером я должен рассказать тебе одно из них. Конечно, ты уже достаточно взрослый, чтобы понять.

- Наш мудрый знахарь сказал, что я правильно сделал, что поспешил за Охиесой вслед за его хозяином. Возможно, в путешествии по тропе призраков ваш дедушка устанет и в глубине души возжелает своего пони. Существо, уже отправившееся по тропе духов, будет привлечено этим неуловимым желанием. Хозяин и зверь вместе доберутся до следующего лагеря.

Женщина замолчала. Но тишину нарушало только глубокое дыхание девушки, потому что теперь ночной ветер улегся спать.

- Хинну! хинну! Спит! Я разговаривал в темноте, меня никто не слышал. Я так хотела, чтобы девочка запечатлела в своем сердце эту священную историю, - пробормотала она недовольным голосом.

Уютно устроившись на своей постели из душистой травы, она погрузилась в другой сон. И все же звезда-хранительница в ночном небе сочувственно сияла над маленьким вигвамом на равнине.

ДОЧЬ ВОИНА

В послеполуденной тени большого вигвама с выкрашенными в красный цвет дымчатыми отворотами сидел отец-воин со скрещенными голеньями. Его голова была так высоко поднята, что взгляд легко охватывал обширную ровную местность до восточной линии горизонта.

Он был самым храбрым воином вождя. Героическими подвигами он завоевал привилегию разбить свой вигвам внутри большого круга вигвамов.

Он также был одним из самых щедрых дарителей беззубым старикам. За это он получил право на выкрашенные в красный цвет дымчатые лацканы своего конусообразного жилища. Он гордился своими почестями. Ему никогда не надоедало каждую ночь повторять свои собственные храбрые поступки. Хотя у костров вигвама он много болтал о своем высоком звании и широко распространенной славе, его большой радостью была крошечная черноглазая дочь, прожившая восемь крепких зим. Таким образом, когда он сидел на мягкой траве рядом со своей женой, склонившейся над своей вышивкой бисером, он напевал танцевальную песенку и слегка отбивал ритм своими тонкими руками.

Его пронизательные глаза смягчились от удовольствия, когда он наблюдал за легкими движениями маленького тела, танцующего на лужайке перед ним.

Тьюзи берет свой первый урок танцев. Ее туго заплетенные волосы обрамляют оба коричневых уха, как пара маленьких изогнутых рожек, которые блестят на летнем солнце.

Плотно прижав ноги в мокасинах друг к другу и держась маленькой ручкой за пояс, чтобы придержать длинную нитку бус, свисающую с обнаженной шеи, она мягко сгибает колени в такт голосу отца.

Теперь она отваживается на серьезное движение, слегка вверх и вбок, по кругу. Наконец песня переходит в заключительную каденцию, и маленькая женщина, одетая в расшитую бисером

оленью шкуру, садится рядом со старшей. Как и ее мать, она садится на ноги. Через короткое мгновение воин повторяет последний припев. Снова Тьюзи вскакивает на ноги и танцует в такт несколькими заключительным тактам.

Как только танец закончился, пожилой мужчина с короткими густыми волосами, рассыпавшимися по его квадратным плечам, подъехал к ним сзади и легко спрыгнул со спины своего пони. Бросив сыромятный повод на землю, он лениво растянулся на траве. "Хунхэ, ты скоро вернулась", - сказал воин, протягивая руку своей маленькой дочери.

Девочка быстро подбежала к отцу и прижалась к нему, а он нежно обнял ее сильной рукой. И отец, и ребенок, не сводя глаз с фигуры на траве, ждали, что скажет мужчина.

"Это правда", - начал мужчина с незнакомым акцентом. "Сегодня вечер танцев".

- Хунха! - пробормотал воин с некоторым удивлением.

Приподнявшись на локтях, мужчина поднял лицо. Черты его лица были южного типа. Много лет назад отец Тьюзи взял его в плен из вражеского лагеря. Но необычные качества раба покорили сердце воина племени сиу, и последние три зимы мужчина был свободен. Он снова стал настоящим мужчиной. Его волосам позволили отрасли. Однако он сам предпочел остаться в семье воина.

- Хунха! - снова воскликнул отец-воин. Затем, повернувшись к своей маленькой дочери, он спросил: "Тьюзи, ты это слышишь?"

- Да, отец, и я собираюсь танцевать сегодня вечером!

С этими словами она вырвалась из его объятий и радостно заскулила. Вслед за этим в голосе гордой матери прозвучал упрекающий смех.

"Дитя мое, в честь твоего первого танца твой отец должен сделать щедрый подарок. Его пони дикие и бродят за большим холмом. Скажи на милость, что он может предложить? спросила она, пара озадаченных глаз уставилась на нее.

- Пони из табуна, мама, быстроногий пони из табуна! Тьюзи закричала с внезапным вдохновением.

Указывая маленьким указательным пальчиком на мужчину, лежащего на траве, она крикнула: "Дядя, завтра ты пойдешь за пони!" Довольная своим решением проблемы, она дико запрыгала по комнате. Ее детская вера в старших не была обусловлена знанием человеческих ограничений, она считала, что взрослым все возможно.

- Хахоб! - воскликнула мать с возрастающей интонацией, подразумевая этим ругательством, что жизнерадостный дух ее ребенка не должен быть отягощен отрицанием.

Мужчина быстро ответил на жесткую просьбу: "Как? Я пойду, если Тьюзи мне так скажет!"

Это привело малышку в восторг, ее черные глазки наполнились светом. Стоя перед сильным мужчиной, она от радости захлопала в свои маленькие загорелые ладошки.

- Это радует меня! У меня доброе сердце! Ступай, дядя, и приведи красивого пони! - воскликнула она. В одно мгновение она бы бросилась прочь, но какой-то порыв заставил ее наклониться на месте. На родном языке этого человека, поскольку он научил ее многим словам и фразам, она взорвалась: "Спасибо тебе, добрый дядя, спасибо тебе!" - а затем от избытка радости убежала.

Гордый отец-воин, улыбаясь и прищурив глаза, одобрительно пробормотал: "Хово! Хечету!"

Как и у ее матери, у Тьюзи тонко подведенные брови и слегка расширенные ноздри; но своей крепостью она похожа на своего отца.

Преданная дочь, она сидит в своем вигваме и шьет расшитые бисером оленье шкуры для своего отца, в то время как он жаждет оттолкнуть каждого ее поклонника, как недостойного гордости его старого сердца. Но Тьюзи не одна в своем жилище. У входа полулежит на циновке юный храбрец. В тишине он наблюдает за лепестками дикой розы, растущими на мягкой оленье шкуре. Молодая женщина быстро нанизывает бусинки на серебристую сухожильную нить и вплетает их в красивый цветочный узор. Наконец, низким, глубоким голосом молодой человек начинает:

Солнце далеко за zenитом. Сейчас оно всего в человеческий рост над западной границей суши. Я поспешил сюда, чтобы сказать вам, что завтра я присоединяюсь к военному отряду.

Он делает паузу в ожидании ответа, но голова служанки еще ниже опускается на свою оленье шкуру, а губы еще крепче сжимаются. Он продолжает:

Прошлой ночью при лунном свете я встретил твоего отца-воина. Казалось, он знал, что я только что вышел из твоего вигвама. Боюсь, ему это не понравилось, потому что, хотя я и поздоровался с ним, он промолчал. Я остановился у него на пути. Со всей смелостью, на какую я осмелилась, пока мое сердце билось сильно и учащенно, я попросила у него его единственную дочь.

Выпрямившись во весь свой огромный рост и поплотнее запахнув просторную мантию вокруг своей гордой фигуры, он устремил на меня пронзительный взгляд.

"Молодой человек, - сказал он холодным, медлительным голосом, который пробрал меня до мозга костей, -выслушайте меня. Ничто, кроме пряди вражеского скальпа, сорванной твоей собственной рукой, не купит Тьюзи для твоей жены", - затем он повернулся на каблуках и зашагал прочь".

Тьюзи откладывает свою работу в сторону. Серьезным взглядом она вглядывается в лицо своего возлюбленного.

"Сердце моего отца действительно доброе. Он бы знал, храбра ли ты и верна ли себе, - пробормотала дочь, которая не желала зла двум своим любимым людям.

Затем, поднимаясь, чтобы уйти, юноша протягивает правую руку. "Крепко пожми мою руку, прежде чем я уйду, Хой. Умоляю, скажи мне, ты будешь ждать моего возвращения?

Туси только кивает в знак согласия, ибо простые слова тщетны.

На раннем рассвете круглый лагерь наполняется песнями. Мужчины и женщины поют о храбрости и триумфе. Они вдохновляют на набухающие груди раскрашенных воинов, восседающих на гарцующих пони, украшенных зелеными ветвями деревьев.

Медленно объезжая огромное кольцо конусообразных вигвамов, то тут, то там громко поющий воин клянется отомстить за былую обиду и тычет обнаженной коричневой рукой в пурпурный восток, призывая Великого Духа услышать его клятву. Сделав круг, поющий военный отряд галопом уносится на юг.

Верхом на пони, нагруженных едой и оленьими шкурами, храбрые пожилые женщины следуют за своими воинами. Впереди всех едет молодая женщина в платье из оленьей кожи, украшенном бисером. Гордо восседая на коне, она удерживает единственной петлей из сыромятной кожи пони с дикими глазами.

Это Тьюзи на боевом коне своего отца. Так военный отряд индейских мужчин и их верных женщин исчезает за южным горизонтом.

Дневной переход приводит их совсем близко к границе с врагом. С наступлением темноты они находят пару вигвамов-близнецов, приютившихся в глубоком ущелье. В одной гостиной раскрашенные воины курят свои трубки и рассказывают странные истории при свете камина, в то время как в другой бдительные женщины беспокойно приседают у центрального очага.

С первыми серыми лучами солнца на востоке вигвамы разбиты. Они ушли. Воины в лагере врага, разрушают мечты своими томагавками. Женщины спрятаны в укромных местах в длинном заросшем овраге.

День далеко зашел, красное солнце низко склонилось над западом.

Наконец разбежавшиеся воины возвращаются один за другим в глубокую лощину. В сумерках они пересчитывают своих людей. Трех не хватает. Из этих отсутствующих двое мертвы, но третий, молодой человек, находится в плену у врага.

"Хе-хе!" - причитают воины, торопливо набирая еду.

В тишине каждая женщина широкими шагами спешит туда-сюда, привязывая большие узлы на спину своего пони. Под покровом ночи военный отряд должен поспешить домой. Неподвижно, со склоненной головой, сидит женщина в своем укрытии. Она скорбит по своему возлюбленному.

С горечью в душе она слышит бормотание воинов. Стиснув зубы, она планирует обмануть ненавистного врага их пленницы. Тем временем раздаются негромкие сигналы, и военный отряд, не подозревая об отсутствии Тьюзи, тихо крадется прочь. Мягкий стук копыт пони становится все тише и тише. Постепенная тишина пустого ущелья шумно звенит в ушах молодой женщины. Насторожившись на любой звук приближающихся шагов, она затаивает дыхание, прислушиваясь. Ее правая рука лежит на длинном ноже на поясе. Ах, да, она знает, где спрятан ее пони, но пока он ей не нужен. Убедившись, что поблизости нет опасности, она крадется из своего укрытия. Поступью пантеры она взбирается на высокий гребень за низким ущельем. Оттуда она наблюдает за вражескими лагерными кострами.

Приросшая к бесплодному утесу стройная женская фигура стоит на вершине ночи, четко вырисовываясь на фоне звездного неба. Прохладный ночной ветерок доносит до ее горящего уха обрывки песен и барабана. С отчаянной ненавистью она стискивает зубы.

Тьюзи призывает звезды в свидетели. Страстным голосом и приподнятым лицом она умоляет:

"Великий Дух, поспеши на помощь моему возлюбленному! Дай мне быструю хитрость в качестве оружия этой ночью! Всемогущий Дух, даруй мне сердце моего отца-воина, сильное, чтобы сразить врага, и могучее, чтобы спасти друга!"

Посреди вражеского лагеря, под временным танцплощадкой, стоят мужчины и женщины в праздничных костюмах. Уже поздняя ночь, но веселые воины склоняют свои обнаженные, раскрашенные тела перед ярким центральным костром. Под похотливые мужские голоса и ритмичную дробь барабана они прыгают и отскакивают, размахивая головными уборами из перьев.

Женщины с накрашенными красным щеками и длинными, заплетенными в косы волосами сидят большим полукругом у ивовых перил. Они тоже присоединяются к пению и поднимаются, чтобы танцевать со своими победоносными воинами.

Посреди этой круглой танцевальной арены стоит привязанный к столбу узник, изможденный стыдом и печалью. Он опускает растрепанную голову.

Он смотрит невидящими глазами на голую землю у своих ног. С насмешками и ухмылками на лицах танцоры издеваются над пленником Дакоты. Буйные смельчаки и маленькие мальчишки насмешливо улюлюкают и вопят.

Молчаливая среди шумной толпы высокая женщина, опершись обоими локтями на круглые ивовые перила, вглядывается в освещенную арену. Танцующий огонь в центре ярко освещает ее красивое лицо, усиливая ночь в ее темных глазах. Он рассыпается на мириады точек на ее расшитом бисером платье. Не обращая внимания на бурлящую толпу, толкающую ее с обеих сторон, она впивается взглядом в полных ненависти, насмехающихся мужчин. Внезапно она поворачивает голову. Хихикающие служанки шепчут ей на ухо:

- Вот! Вот! Посмотри на него сейчас, он ухмыляется пленнику в лицо. Это он набросился на молодого человека и потащил его за длинные волосы вон к тому столбу. Смотрите! Он красив! Как грациозно он танцует!"

Молчаливая молодая женщина смотрит на связанного пленника. Она видит воина, едва ли старше пленницы, размахивающего томагавком перед лицом дакоты. Жгучая ярость вспыхивает в ее глазах и клеймит его как жертву мести. Ее сердце бормочет в груди: "Приди, я хочу встретиться с тобой, подлый враг, который захватил моего возлюбленного и теперь мучает его живой смертью".

Здесь певцы умолкают, а танцоры расходятся по своим местам отдыха вдоль ивового кольца. Победитель неохотно делает последний взмах своим томагавком, затем, как и остальные, покидает центральную площадку. Голова и плечи его раскачиваются из стороны в сторону, подбородок высоко направлен в сторону ивовых перил. Усевшись на землю, скрестив ноги, он обмахивается растопыренным крылышком индейки.

Время от времени он перестает надменно моргать и подглядывает краешками глаз. Он слышит, как кто-то тихонько откашливается. Это, несомненно, для его уха. Крыльчатый вентилятор нерегулярно раскачивается взад-вперед. Наконец он поворачивает гордое лицо через обнаженное плечо и видит улыбающуюся красивую женщину.

"Ах, она заговорила бы с героем!" - бешено колотится его сердце.

Певцы поднимают голоса в унисон. Музыка неотразима. Победитель снова выходит на открытую арену. Он снова вглядывается в лицо пленника. В каждом перерыве между песнями он возвращается к месту своего упокоения. Здесь его ждет молодая женщина. Когда он приближается, она смело улыбается ему в глаза. Он доволен ее лицом и улыбкой.

Судорожно размахивая веером перед лицом, он сидит, наострив уши. Он улавливает тихий шепот. Чья-то рука легонько похлопывает его по плечу. Красивая женщина говорит с ним на его родном языке. "Выйди в ночь. Я хочу сказать тебе, кто я".

Он должен знать, какие сладкие слова похвалы припасла для него эта красивая женщина. Обеими руками он раздвигает неплотно сплетенные ивовые прутья и незамеченным выползает в темноту.

Перед ним стоит молодая женщина. Поманив его тонкой рукой, она отступает назад, подальше от света и беспокойной толпы зрителей. Он следует за ней нетерпеливыми шагами. Она ускоряет шаг. Он удлиняет шаги. Затем внезапно женщина отворачивается от него и бросается прочь с поразительной скоростью. Сжав кулаки и закусив нижнюю губу, молодой человек бежит за убегающей женщиной. В своей безумной погоне он забывает о танцевальной арене.

Возле группы низких кустов женщина останавливается. Молодой человек, задышавшись, бросается вперед и громко шепчет: "Умоляю, скажи мне, ты женщина или злой дух, который заманил меня?"

Повернувшись на каблуках, прочно упертых в землю, женщина дико бросается вперед, словно пантера на свою добычу. Хриплым голосом она прошипела сквозь зубы: "Я женщина из Дакоты!"

От ее безошибочного удара длинным ножом враг тяжело падает к ее ногам. Великий Дух услышал молитву Туси на вершине холма. Он дал ей сильное сердце воина, чтобы уменьшить врага на одного.

Сгорбленная фигура старухи с узелком, похожим на внука, закинутого за спину, ходит круг за кругом танцплощадки. Уставшие зрители расходятся по двое и по трое. Усталые танцоры выползают из-за ивовых перил, а некоторые выходят у входа, пока певцы тоже не отрываются от барабана и сонно не бредут домой. Внутри арены от центрального костра остались красные угольки. Ночь больше не задерживается за ивовыми перилами, но, проникая в танцзал, укрывает то тут, то там храпящего мужчину, которого сон одолел там, где он сидел.

Пленник, туго связанный веревками из сыромятной кожи, висит в безнадежном отчаянии. Вокруг него медленно сгущается ночной мрак. И все же последние красные, потрескивающие угольки отбрасывают слабый свет на его длинные черные волосы и, пробиваясь сквозь толстые колтуны, ласкают его изможденное лицо неугасимой надеждой.

По-прежнему около танцзала бродит старуха. Теперь угли стали серыми от пепла.

На пороге появляется старая сгорбленная женщина. Осторожно, ощупью она входит. Шепча сквозь зубы колыбельную своему спящему под одеялом ребенку, она ищет что-то забытое.

Громко храпели спящие мужчины в самых темных уголках. Когда шепелявая старуха приближается, пленник снова открывает глаза.

Она прижимает указательный палец к губе. Молодой человек выходит из оцепенения. Чувства обманывают его. Перед его широко открытыми глазами старая сгорбленная фигура выпрямляется в свой юношеский рост. Сама Тьюзи рядом с ним. Взмахами вверх и вниз она перерезает жестокие путы своим острым клинком. Сбросив с плеч одеяло, так что оно свисает с ее опоясанной талии, как юбка, она встряхивает большой сверток, превращая его в легкую шаль для своего возлюбленного. Она быстро намазывает его на его голую спину.

- Пойдем! - шепчет она и поворачивается, чтобы уйти, но молодой человек, оцепеневший и беспомощный, едва не падает.

Вид его слабости делает ее сильной. Могучая сила сотрясает ее тело. Наклонившись под его вытянутыми руками, хватающимися за воздух в поисках опоры, Тьюзи поднимает его на свои широкие плечи. Полубежащими, торжествующими шагами она уносит его прочь, в открытую ночь.

МЕЧТА ЕЕ ДЕДУШКИ

Ее дед был дакотским "знахарем". Среди индейцев своего времени он был широко известен своей успешной целительской деятельностью. Он был одним из лидеров племени и прибыл в Вашингтон, округ Колумбия, с одной из первых делегаций по делам, касающимся индейского народа и правительства Соединенных Штатов.

Он был первым отрядом Великой нации сиу, заключившим договоры с правительством в надежде добиться дружественного соглашения между краснокожими и белыми американцами. Путешествие в столицу страны почти полностью совершалось на пони, поскольку железных дорог не было, и делегация сиу столкнулась со многими трудностями по пути. Его визит в Вашингтон во имя мира между людьми оказался его последней земной миссией. От внезапной болезни он скончался и был похоронен здесь.

Когда его маленькая внучка выросла, она выучила язык белых людей и пошла по стопам своего деда до самого правительства, чтобы продолжать его гуманитарную деятельность. Хотя ее дни были заполнены проблемами, связанными с социальной работой среди ее народа, однажды ночью во время пребывания в Вашингтоне ей приснился странный сон. Сон был такой: вернувшись после дневной прогулки, она обнаружила, что в ее отсутствие домой доставили большой кедровый сундук. Она вдохнула сладкий аромат красного дерева, напомнивший ей дыхание леса, и восхитилась шкатулкой, такой аккуратно сделанной, без всяких украшений. Он выглядел таким чистым, прочным и долговечным в своей естественной натуральности. С восторгом она взяла бирку в руки и прочитала свое имя вслух. "Кто прислал мне этот кедровый сундук?" - спросила она, и ей ответили, что он от ее дедушки.

Гадая, какой подарок мог бы преподнести ей сейчас ее дедушка, совершенно не обращая внимания на его смерть много лет назад, она горела желанием открыть таинственный сундук.

Она вспомнила дни своего детства и истории, которые любила слушать о необычных способностях своего дедушки, — вспомнила, как она, маленькая девочка, мечтала о мешочках с лекарствами, украшенных бисером и вышитыми иглами дикобраза символами, созданными великим "знахарем", ее дедушкой. Она хорошо помнила свой заслуженный упрек в том, что такие вещи никогда не делаются для реликвий. Сокровища в свое время попадают к тем, кто готов их принять.

В большом ожидании она подняла тяжелую крышку кедрового сундука. "О!" - воскликнула она с ноткой разочарования, не увидев ни расшитых бисером индийских регалий, ни безделушек. "Почему мой дедушка посылает такой легкий подарок в тяжелой, большой коробке?" Она была озадачена.

Подарок был фантастической вещью, текстура которой была гораздо тоньше, чем тончайшая паутина. Это было видение! Изображение индейского лагеря, не нарисованное на холсте и еще не написанное. Это был материал из сновидений, висящий в разреженном воздухе и заполняющий содержимое контейнера из кедрового дерева. По мере того, как она смотрела на него, картина становилась все более и более реальной, превышая пропорции сундука. Все это было настолько призрачно, что дуновение могло бы развеять все это; и все же это было там, реальное, как жизнь, — круглый лагерь из белых конусообразных вигвамов, кишаций индейцами. Деревенский глашатай в развевающемся головном уборе с орлиными перьями верхом на гарцующем белом пони проехал по арене. Индейские мужчины, женщины и дети останавливались группами, в то время как ярко раскрашенные лица выглядывали из дверей вигвама, чтобы послушать глашатая вождя.

В этот момент она тоже услышала полный мелодичности голос. Она отчетливо услышала слова Дакоты, которые он провозгласил людям. "Радуйтесь! Радуйтесь! Поднимите глаза и узрите рассвет нового дня! Помощь близка! Услышьте меня, все до единого".

Она услышала радостную весть и обрадовалась новой надежде для своего народа.

ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННАЯ ЗАГАДКА, КАСАЮЩАЯСЯ ЖЕНЩИНЫ С ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДОЙ

На западных равнинах стояло лето. Поля золотистых подсолнухов, обращенные на восток, приветствовали восходящее солнце. Женщина с Голубой Звездой, с заплетенными на ветру белыми волосами над каждым ухом, сидела в тени своей бревенчатой хижины перед открытым огнем. Одинокая, но никем не тронутая, она жила здесь, как суслик, поселившийся неподалеку, — и то и другое благодаря легкой терпимости владельца земли. Индианка держала сковородку над горящими углями. Большой круглый пирог с длинными прорезями в центре выпекался и заполнял всю емкость сковороды.

В глубокой задумчивости Женщина-Синяя Звезда готовила свой утренний ужин. "Кто я?" стало навязчивой загадкой ее жизни. Она уже не была молодой женщиной, ей шел пятьдесят третий год. В глазах закона белого человека от нее требовалось предоставить доказательства своей принадлежности к племени сиу. Неписанный закон сердца естественным образом побудил ее

сказать: "Я существо. Я Женщина Голубой Звезды. Кусок земли принадлежит мне по праву рождения".

По причинам, которые сейчас забыты, индейцу никогда не следовало произносить свое имя в ответ на какой-либо вопрос. Вероятно, это было средством защиты во времена черной магии. Как бы то ни было, Женщина с Голубой Звездой жила во времена, когда этим учением пренебрегали. Однако ей ничего не дало то, что она назвала свое имя правительственному чиновнику, к которому обратилась за своей долей земли племени. Его постоянным вопросом всегда был: "Кем были твои родители?"

Женщина с Голубой Звездой осталась сиротой в нежном возрасте. Она их не помнила. Они давно ушли в страну духов, и она не могла понять, почему их отозвали на землю из-за нее. Это было еще одно из старых-престарых учений ее расы о том, что имена мертвых не должны произноситься праздно. Небрежно упоминать имя любого усопшего стало святотатством, особенно в спорах о земном владении. Печальные обстоятельства ее раннего детства вкупе с отсутствием письменных свидетельств о кочевниках воздвигли непреодолимый барьер между ней и ее наследием. Дело в том, что события, имевшие гораздо большее значение для племени, чем ее реинкарнация, остались незамеченными в книгах. Устные сообщения мужчин и женщин племени в старину были разнообразными, некоторые из них на самом деле противоречили друг другу. Женщина с Голубой Звездой не смогла найти даже веточки своего генеалогического древа.

Она заострила один конец длинной палки и проткнула ею поджаренный хлеб, когда он поджарился. Не обращая внимания на пронзительное "Цинг!" горячего хлеба, когда его сняли с огня, она добавила его к шести другим, которые были до него. Прошло много лун с тех пор, как она ела жареный хлеб, потому что была слишком бедна, чтобы купить за один раз все необходимые ингредиенты, особенно жир, в котором его жарили. Во время выпечки кофейник, почерневший от дыма, выкипел. Аромат свежеприготовленного кофе ударил ей в ноздри и отвлек от мучительных воспоминаний.

За день до этого дружелюбные духи, невидимые существа, направили ее бесцельные шаги к дому ее соседа-индейца. Не успела она войти, как увидела на столе несколько свертков с продуктами. "Да-да, тебе повезло!" - воскликнула она, усаживаясь на предложенный ей стул с прямой спинкой. Хозяйка-индианка сразу же развязала свертки и отмерила полную чашку зеленых кофейных зерен и фунт свиного сала. Она отдала их Женщине с Голубой Звездой, сказав: "Я хочу поделиться своей удачей. Возьми это с собой домой". Так случилось, что Женщина с Голубой Звездой неожиданно получила в свое распоряжение продукты, которые теперь обильно готовились к ее завтраку.

Щедрость ее подруги часто спасала ее от голодной смерти. Говорят, что щедрость является недостатком индийского народа, но ни Отцы-пилигримы, ни Женщина с Голубой Звездой никогда не осуждали их за это всерьез. Женщина с Голубой Звездой была даже благодарна за этот подарок в виде еды. Она любила кофе - этот черный напиток, привезенный сюда отважными путешественниками давным-давно. Пристрастие к кофе было одним из признаков ее прогресса в цивилизации белого человека, а также то, что она перешла из вигвама в бревенчатую хижину, еще одно достижение. Она научилась читать букварь и писать свое имя. Маленькая Голубая Звездочка посещала школу, невзирая на опасения любящей матери, что иностранный учитель может не пожалеть розги для ее любимца.

Женщина с Голубой Звездой была ее личным именем. На протяжении неисчислимых веков индийская раса не использовала семейных имен. Новорожденному ребенку давали совершенно новое имя. Женщина с Голубой Звездой гордилась тем, что написала свое имя, которое ей не придется заменять чужим при вступлении в брак, как это принято у цивилизованных народов.

"Времена изменились", - пробормотала она себе под нос. "Мое личное имя, кажется, ничего не значит". Посмотрев в пространство, она увидела кивающие подсолнухи, и они согласились с ней. Их засыхающие листья напомнили ей о близком приближении осени. Тогда скоро, очень скоро лед скует берега мутной реки. День первого льда был ее днем рождения. Ей исполнилось бы пятьдесят четыре зимы. Как тщетны были все эти зимы попытки обеспечить ей долю в землях племени. Усталая улыбка промелькнула на ее лице, когда она сидела на земле, как бронзовая фигура, олицетворяющая терпение и долготерпение.

Выпечка хлеба была закончена. Сковороду оставили остывать. Она налила аппетитный кофе в свою жестяную чашку. Она угощалась поджаренным хлебом и черным кофе. И снова ее мысли вернулись к загадке. "Проповедник-миссионер сказал, что не может объяснить мне закон белого человека. Тот, кто ежедневно читает Святую Библию, которая, по его словам, является книгой Бога, не может понять законы простого человека. Это тоже озадачивает меня", - подумала она про себя. "Однажды мудрый лидер нашего народа, обращаясь к президенту этой страны, сказал: "Я мужчина. Ты другой. Великий Дух - наш свидетель!" Это просто и легко понять, но времена изменились. Законы белого человека странны".

Женщина с Голубой Звездой отломала кусочек поджаренного хлеба между большим и указательным пальцами. Она с жадностью съела его и отпила из своей чашки ароматный кофе. "Я не понимаю закона белого человека. Это все равно что идти в темноте. В этой темноте я начинаю бояться всего".

Забыв обо всем на свете, она не услышала шагов двух индейцев, которые теперь стояли перед ней.

Их коротко стриженные волосы казались иссиня-черными по контрасту с выцветшей гражданской одеждой, которую они носили. Их белые мужские ботинки были ржавыми и нечищеными. Непривычному глазу старой индианки их целлулоидные воротнички казались сверкающими признаками цивилизации. Женщина с Голубой Звездой, не вставая, подняла взгляд с колен матери-земли. "Хинну, хинну!" - воскликнула она с нескрываемым удивлением. "Умоляю, кто эти предполагаемые белые мужчины?" спросила она.

В один голос и с видом предполагаемого родства двое индейцев обратились к ней. "Тетя, я пожимаю вам руку". И снова женщина с Голубой Звездой заметила: "О, в самом деле! эти почти белые люди говорят на моем родном языке и пожимают друг другу руки по нашему обычаю". Если бы она догадалась об истине, то поняла бы, что они просто обманутые смертные, обманывающие других и себя больше всего. Громко смеясь и заводя беседу, они по очереди пожали ее иссохшую руку.

Подобно внезапному порыву ветра, швыряющему обрывки вещей, они ворвались в ее тихий утренний час и повергли блуждающие мысли в еще больший хаос. Скрывая свое настоящее поручение за вытянутыми лицами, они притворялись, что заботятся только о ее благополучии. "Мы пришли спросить, как вы живете. Мы слышали, что вы медленно умирали с голоду. Мы

слышали, что вы один из тех индейцев, у которых правительственные чиновники обманом лишили их доли в племенных землях ".

Женщина с Голубой Звездой сильно заинтересовалась.

"Вы видите, что мы воспитаны на манер белого человека", - говорили они, выпячивая грудь. Один бессознательно засунул большие пальцы в проймы своего плохо сидящего пальто и гордо расхаживал по комнате. "Мы можем помочь вам получить вашу землю. Мы хотим помочь нашей тете. Всем старикам вроде тебя следует помогать раньше, чем молодым. Старики скоро умрут, и они, возможно, никогда не получат благ от своей земли, если кто-нибудь вроде нас не поможет им без дальнейших проволочек добиться своих прав ".

Женщина с Голубой Звездой внимательно слушала.

Указав на циновки, которые она расстелила на земле, она сказала: "Садитесь, мои племянники". Она приняла принятые по случаю отношения. - Я накормлю вас завтраком. - Она быстро поставила перед ними щедрую порцию поджаренного хлеба и чашки кофе. Продолжая есть, она продолжила: - Вы удивительно добры. Это правда, племянники мои, что я состарился, пытаюсь отвоевать свою долю земли. Возможно, пройдет совсем немного времени, и я уйду под землю.

Двое мужчин ответили "Как, как", что означало: "Продолжайте свою историю. Мы все слушаем". Женщина Синей Звезды еще не заметила у них какой-либо особой остроты слуха, но, повинувшись импульсу, она подняла глаза и внимательно изучила их лица. Они были увлечены едой. Их взгляды были прикованы к еде, разложенной на коврике перед их скрещенными голенями. Про себя она мимоходом заметила, как ее племянники, словно хищные волки, набросились на еду. Койоты в разгар зимы не могли быть более голодными. Ничего не сказав, она предложила им оставшиеся жареные лепешки, и они съели все на двоих. Она предложила вторую порцию кофе, которую они приняли без колебаний. Наполнив их чашки, она поставила свой пустой кофейник на остывшую золу.

Она рассказывала им о своих многочисленных невзгодах. Теперь у нее вошло в привычку рассказывать свою длинную историю разочарований со всеми ее мелкими подробностями. Это был всего лишь еще один пример того, как благие намерения пошли наперекосяк. Парадоксом на земле пророчеств было то, что ее путь к будущей славе был запятнан кровью ее аборигенов. Как это ни нелепо, два племянника и их белые партнеры были рады столь выгодному для них положению. Их домогательства к женщине с Голубой Звездой вовсе не были альтруистическими. Они процветали в своем бизнесе по пересадке. Они и их профессия были побочным продуктом громоздкой бюрократии, управляющей подопечными нации.

"Дорогая тетя, вам не удалось установить факты, удостоверяющие вашу личность", - сказали они ей. После этого лицо Женщины с Голубой Звездой омрачилось. Это были все те же старые слова. Это была старая песня правительственного чиновника, которую она терпеть не могла слушать. Следующая реплика вернула ей мужество. "Если кто-то и может найти доказательства, то это мы! Говорю тебе, тетя, мы все уладим для тебя ". Для старой индианки было большим облегчением освободиться от бремени своей загадки и получить в собственность землю. "Есть одна вещь, которую вам придется сделать, а именно заплатить нам половину вашей земли и денег, когда вы их получите". Наступила пауза, и Женщина с Голубой Звездой медленно ответила: "Да", пребывая в неуверенном расположении духа.

Проницательные интриганы обратили внимание на ее поведение. "Разве ты не предпочла бы съесть половину корочки хлеба, чем ничего?" они спросили. На нее произвела должное впечатление сила их аргументации. В глубине души она согласилась: "Немного перекусить лучше, чем ничего!" Двое мужчин регулярно обменивались репликами. Поток ласковых слов был непрерывным и так походил на мурлыканье, что все подозрения женщины были крепко усыплены. - Послушай, тетя, ты же прекрасно знаешь, что степной пожар встречает ответный огонь. Женщина с Голубой Звездой, вспоминая свой опыт тушения пожаров, быстро ответила: "Да, о, да".

"Точно так же мы боремся с мошенниками с помощью мошенников. С нами работают умные белые юристы. Они ведут ответный огонь". Затем, словно вспомнив какой-то конкретный случай, они обагромко рассмеялись и сказали: "Да, и иногда они используют нас в качестве ответного огня! Мы торгуемся пятьдесят на пятьдесят."

Женщина с Голубой Звездой сидела, подперев подбородок ладонью одной руки и опершись локтем другой. Она слегка раскачивалась вперед-назад. Наконец она ответила: "Да, я заплачу тебе половину своей доли земли племени и денег, когда получу их. В былые времена отважные юноши из ордена Всадников на Белых Конях искали помощи у стариков, бедных, вдов и сирот, но они выполняли свою добрую работу бесплатно. Всадники на белых конях ушли. Времена изменились. Я бедная старая индианка. Мне нужна теплая одежда, пока зима не начала обдувать нас своими сосульками. Мне нужны дрова. Мне нужна еда. Как ты сказал, небольшая помощь лучше, чем никакой."

После этого оба претендента добились еще одного успеха.

Они поднялись на ноги. Они съели весь поджаренный хлеб и допили кофе. Они пожали руку Женщине с Голубой Звездой и ушли. В тишине, наступившей после их ухода, она сидела и жевала свой маленький кусочек хлеба, который по счастливой случайности положила себе на тарелку перед приходом голодных волков. Очень медленно она съела кусочек поджаренного хлеба, как будто старательно пережевывая его, чтобы увеличить его количество. Ее беспокоило чувство вины за самоосуждение. В отчаянной нужде она связалась с мошенниками. Ее племянники со смехом сказали ей: "Мы используем мошенников, а мошенники используют нас в стычках за земли индейцев".

Приветливая тень дома отпрянула от нее и спряталась под узким карнизом покрытой грязью крыши. Она пожала плечами. Солнце, стоявшее высоко в небе, стало свидетелем этого события и теперь освещало ее седую голову. Взяв в руку циновки и кухонную утварь, она заковыляла в свою бревенчатую хижину.

В мрачной тишине дикой природы, в резервации индейцев сиу, суперинтендант созвал ведущих индейцев племени. Он прочитал письмо, которое получил из штаб-квартиры в Вашингтоне, округ Колумбия, в нем сообщалось о включении Женщины с Голубой Звездой в список членов их племени и одобрении выделения ей земли.

Это стало большим потрясением для соплеменников. Без их ведома и согласия их собственность была передана незнакомой женщине. Они протестовали напрасно. Суперинтендант сказал: "Я получил это письмо из Вашингтона. Я прочитал его вам для вашего сведения. Я выполнил свой долг. Большого я сделать не могу". С этими роковыми словами он распустил собрание.

С тяжелым сердцем главный Летун вернулся в свое жилище. Покуривая трубку с длинным черенком, он размышлял о случае с Женщиной с Голубой Звездой. Опекун индейца узурпировал автократическую власть в распоряжении имуществом подопечных. Это становилось невыносимым. "Без сомнения, эта индианка имеет право на участок, но где? Конечно, не здесь", - подумал он про себя.

Отложив трубку, он позвал свою маленькую внучку из ее пьесы: "Ты мой переводчик и переписчик", - сказал он. "Принеси бумагу и карандаш". Письмо было написано размашистым почерком ребенка и подписано старым вождем. Оно гласило:

"Мой Друг:

Пишу тебе письмо. На сердце у меня печаль. Вашингтон отдает землю моего племени женщине по имени Блу-Стар. Мы ее не знаем. Нас не просили отдавать землю, но у нас отняли нашу землю, чтобы отдать другому индейцу. Это неправильно. У многих маленьких детей моего племени нет земли. Почему эта странная женщина получает нашу землю, которая принадлежит нашим детям? Поезжайте в Вашингтон и спросите, предписывают ли ему наши договоры отдавать нашу собственность, не спрашивая нас. Скажите ему, что я думал, что мы заключили хорошие соглашения на бумаге, но теперь наши дети плачут, требуя еды. Мы слишком бедны. Мы не можем дать даже нашим собственным маленьким детям. Вашингтон очень богат. Вашингтон теперь владеет нашей страной. Если он хочет помочь этой бедной индианке, Блу-Стар, пусть отдаст ей часть своей земли и своих денег. Это все, что я скажу, пока ты мне не ответишь. От всего сердца жму вам руку. Великий Дух слышит мои слова. Они правдивы.

"Твой друг,

- **ГЛАВНЫЙ ПИЛОТ.**

"X (его метка)".

Письмо было адресовано известной американке. На конверт была аккуратно наклеена марка.

Рано утром следующего дня, еще до того, как с травы сошла роса, верховой пони вождя был пойман с пастбища и доставлен в его бревенчатый дом. Лошадь была оседлана и взнуздана молодым человеком, его сыном, с которым он построил свой дом. Старый вождь вышел, неся в одной руке трубку с длинным черенком и кисет с табаком. Его одеяло было свободно обернуто вокруг талии. Крепко держась за луку седла, он осторожно вставил ногу в мокасины в стремя и неуклюже взобрался в седло, бормоча себе под нос: "Увы, я больше не могу вскочить в седло. Теперь я должен ползать в своей беспомощности". Ему было за восемьдесят, и он уже не был проворен.

Он отправился в свое десятимильное путешествие к единственному почтовому отделению на сотни миль вокруг. В кармане рубашки он носил письмо, которому суждено было в свое время достичь сердец американского народа. Его пони, состарившийся в услужении, трусил трусцой по пыльной дороге. Воспоминания о других днях теснились на обочине, и для одинокого всадника вся страна преобразилась. Прошли те времена, когда индийскую молодежь учили быть правдивыми, проявлять милосердие к бедным. Прошли те времена, когда нравственная чистота была главной добродетелью; когда общественные пиры устраивались в честь добродетельных девушек и юношей племени. Теперь из-за нарушения древних законов

возможны неисчислимые беды. Молодое поколение не обучалось должным образом высоким добродетелям. Медленно умирающая от голода раса сходила с ума, и жалкие слабаки продавали свои земли за горшок каши.

"Он, он, он! Он, он, он!" - причитал он. "Женщина с тихим голосом, моя родственница представлена как мать этой странной Голубой Звезды - документы были составлены двумя молодыми индейцами, которые изучили обычаи белого человека. Почему я должен быть вынужден мириться с проказами детей? Моя память ясна. Моя репутация правдивца хорошо известна.

"Женщина с низким голосом жила в моем доме до самой своей смерти. У нее был только один ребенок, и это был *мальчик!*" Он прижал руку к колотящемуся сердцу и вспомнил о письме в кармане. "Что будет с этим письмом, когда оно дойдет до моего хорошего друга?" он спросил себя. Вождь протер затуманенные глаза и застонал: "Если бы только мой добрый друг знал, как глупо отдавать мое письмо в руки бюрократов! Перед лицом неоднократного поражения я осмеливаюсь еще раз отправить это письмо ". Внутренний голос сказал ему на ухо: "И это письмо разделит ту же участь, что и остальные письма".

Вздрыгнув от неожиданного голоса, он натянул поводья и заставил сонного пони резко остановиться. Поблизости никого не было. Он обнаружил, что находится в миле от почты, потому что группа правительственных зданий, где жил суперинтендант, теперь была на виду. Его худощавое тело сотрясало от волнения. Он не мог пойти туда со своим письмом.

Он слез со своего пони. Собирая сухую траву и засохшие стебли прошлогодних подсолнухов, его дрожащий голос напевал песню храбрости. Он развел костер и, громко плача, ибо горе его было сильнее, чем он мог вынести, бросил письмо в пламя. Огонь поглотил его. Он отправил свое послание на огненных крыльях и верил, что она его получит. Он все же верил, что помощь придет к его народу, пока не стало слишком поздно. Пони вскинул голову, готовый уйти. Он знал, что находится в обратном пути, и был рад этому путешествию.

Ветер, который так мягко дул на рассвете, теперь усилился до штормового, когда солнце приблизилось к зениту. Вождь, возвращаясь домой, почувствовал приближение бури. Он посмотрел вверх, на небо, и вокруг во всех направлениях. Позади себя, вдалеке, он увидел облако пыли. Он увидел нескольких всадников, нахлестывающих своих пони и мчащихся на огромной скорости. Время от времени он слышал их крики, как будто они звали кого-то. Он замедлил шаг своего пони и часто оглядывался через плечо, чтобы посмотреть, кто из всадников в горячей спешке приближается к нему. Ему стало любопытно. Вскоре всадники окружили его. На их плащах блестели медные пуговицы, а на шляпах были золотые шнуры и кисточки. Это были индийские полицейские.

"Ван!" - воскликнул он, обнаружив, что стал объектом их погони. Это их глупые соплеменники убили великого вождя Сидящего Быка. "Скажи на милость, в чем прикол? Почему молодые люди окружают старика, спокойно едущего домой?"

"Дядя, - сказал представитель, - мы наемники, как ты знаешь. Мы посланы правительственным суперинтендантом арестовать тебя и забрать с собой. Суперинтендант говорит, что вы один из плохих индейцев, распеваете военные песни и все время выступаете против правительства; сегодня утром вас видели пытающимся поджечь правительственное учреждение ".

"Хунхунхэ!" - ответил старый вождь, в изумлении прижимая ладонь ко рту. "Все это невероятно!"

Полицейский взялся за уздечку пони и развернул упирающееся маленькое животное. Они повели его обратно, и старый вождь, не сопротивляясь, сел в седло. Хай-Флайер предстал перед суперинтендантом, который обвинил его в поджогах с целью уничтожения правительственных зданий и признал его виновным. Таким образом, главный Хай-Флайер был отправлен в тюрьму. Он уже много страдал за свою жизнь. Он был самым безгласным человеком Америки. И теперь, в преклонном возрасте, он был брошен в тюрьму. Огорчение от всего этого, а также его полная беспомощность защитить свои собственные права человека или права своего народа, тяжело давили на его дух.

Затхлый воздух темной камеры вызвал тошноту у того, кто любил простор. Он устало опустился на изодранный матрас, лежавший на грубом дощатом полу. Он плотнее запахнул мантию вокруг своей высокой фигуры, частично прикрыв ею лицо, спрятав руки в складках. В глубоком унынии седовласый узник сидел, не шевелясь, долгие часы и не знал, когда кончился день и началась ночь. Он сидел, погруженный в свое отчаяние. Глаза его были закрыты, но уснуть он не мог. Хлеб и вода в жестяных сосудах стояли на полу рядом с ним нетронутыми. Он не был голоден. Отважные мыши выползали на пол и носились в тусклом звездном свете, просачивающемся сквозь железные прутья окна камеры. Они пищали, подстрекая друг друга пробежаться по его обутым в мокасины ногам, но вождь не видел и не слышал их.

Внутри его существа велась ужасающая борьба. Он сражался так, как никогда прежде. Он цепко держался за надежду на день спасения — надежду, убеленную сединами. Несмотря ни на что, он отказался отказаться от веры в хороших людей.

Из-под одеяла, которым он был так плотно укутан, пробивался яркий свет. Перед его пораженным сознанием возникло видение. И вот, его хороший друг, американка, которой он посылал свои послания с помощью огня, теперь стояла там целым легионом! Огромное множество женщин с поднятыми руками смотрели на огромное каменное изваяние. Их обращенные кверху лица были полны энтузиазма и серьезности. Каменная фигура изображала женщину на берегу Великих Вод, лицом на восток. Мириады живых рук оставались поднятыми, пока каменная женщина не начала подавать признаки жизни. Она величественно обернулась и, о чудо, улыбнулась этой великой плеяде американских женщин. Она была Статуей Свободы! Это была она, которая, хотя и олицетворяла свободу человека, раньше повернулась спиной к американскому аборигену. Ее лицо светилось состраданием. Ее взгляд скользнул по раскинувшемуся континенту Америка, родине краснокожего человека.

В этот момент ее факел разгорелся ярче и белее, пока его сияние не достигло темных и отдаленных уголков страны. Ее свет свободы проник в индейские резервации. Громкий крик радости вырвался у индейцев земли, повсюду!

Слишком скоро картинка исчезла. Главный пилот Высшего звена проснулся. Он лежал распростертый на полу, куда упал ночью. Он встал и снова сел на матрас. В его жизнь вошел еще один день. В его сердце таилось тайное видение надежды, рожденное в полночь его печалей. Это позволило ему отбывать свой тюремный срок с немим достоинством, которое ставило в тупик тех, кто его видел.

Наконец настал день его освобождения. По всей земле царил ликование. Пустынные холмы, которые по ночам приютили плачущие голоса, теперь были тихими и безмолвными. Воздух был

наполнен радостью. Вокруг тюрьмы собралась толпа, чтобы поприветствовать вождя. Его сын стоял у входа, пока охранник отпирал дверь тюрьмы. Безмятежно спокойный, старый индейский вождь выступил вперед. Невидимый камень на его пути заставил его слегка споткнуться, но сын схватил его за руку и выровнял его шаткие шаги. Он подвел его к тяжелому фургону с лесом, запряженному небольшой упряжкой пони, которую он привез, чтобы отвезти его домой. Люди столпились вокруг него — сотни пожимали ему руку и уходили, распевая родные песни радости за благополучное возвращение к ним их отсутствующего.

Среди счастливых людей были и два племянника Женщины Синей Звезды. Каждый пожал вождю руку. Один из них протянул чернильный блокнот со словами: "Мы рады, что смогли вытащить вас из тюрьмы. Мы пользуемся большим влиянием в Бюро по делам индейцев в Вашингтоне, округ Колумбия. Если вам понадобится помощь, дайте нам знать. Вот, прижми большой палец к этой подушечке. Его спутник достал из кармана документ, приготовленный для подписи старого вождя, и приложил его к колесу фургона, чтобы поставить отпечаток большого пальца. Вождь был застигнут врасплох. Он посмотрел в глаза своему сыну, чтобы понять, что означают эти двое мужчин. "Таково наше соглашение", - объяснил он своему старому отцу. - Я пообещал заплатить им половину твоей земли, если они вытащат тебя из тюрьмы.

Старый вождь вздохнул, но ничего не сказал. Слова были напрасны. Он поставил на документе свой несмываемый отпечаток большого пальца - это была его подпись - и поехал домой со своим сыном.

* * * * *

ИНДЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА АМЕРИКИ

Говорят, что гостеприимство американских аборигенов спасло первых поселенцев от голодной смерти в первые суровые зимы. В память о том, что его так хорошо приняли, Ньюпорт установил "крест как знак английского владычества". Ласковыми словами он успокоил подозрения вождя Поухатана, своего друга. Он "сказал ему, что герб (креста) представляет Поухатана и его самого, а также середину их объединенной лиги".

Десото и его испанцы были любезно приняты индийской принцессой Кофачики на юге. Во время экскурсии они посетили родовые могилы этих индейцев. ДеСото "окунулся в жемчуг и протянул полные руки каждому кавалеру, чтобы тот сделал из них четки, по его словам, чтобы помолиться за их грехи. Мы предполагаем, что если бы их молитвы были пропорциональны их грехам, они, должно быть, проводили большую часть своего времени за богослужениями".

Именно таким образом старый мир отнял плату в стране новой. Именно таким образом Америка была разделена между европейскими державами, а аборигены изгнаны из своей страны. Варварское правление силы, от которого бледнолицый бежал сюда в поисках убежища, снова настигло его, и в рукопашной гостеприимный туземец потерпел "юридическое поражение".

История гласит, что именно от англичан и испанцев наше правительство унаследовало своих законных жертв, американских индейцев, которых по сей день мы считаем подопечными, а не гражданами их собственной свободолюбивой страны. За этим наследованием чужого награбленного последовал долгий век бесчестия. Теперь близится время, когда американский индеец проведет свой день в суде с помощью женщин Америки. Пятно на честном имени

Америки должно быть удалено, и остатки индейской нации, страдающие от недоедания, войдут в число приглашенных невидимых гостей за вашими обеденными столами.

В этом начинании необходимо сотрудничество головы, сердца и руки. Мы служим как нашему собственному правительству, так и безгласному народу среди нас. Мы бы открыли дверь американских возможностей для красного человека и побудили его найти свое законное место в нашей американской жизни. Мы бы устранили барьеры, препятствующие его нормальному развитию.

Опека не заменяет американское гражданство, поэтому мы добиваемся предоставления ему избирательных прав. Мы хотели бы видеть справедливое урегулирование многих договоров, добросовестно заключенных нашим правительством с индейцем. С помощью конструктивной программы мы надеемся покончить с "поэтапным законодательством", затрагивающим индийцев то здесь, то там, которое оказалось чрезвычайно дорогостоящим и разочаровывающим методом.

Знаете ли вы, что такое на самом деле *ваше* Бюро по делам индейцев в Вашингтоне, Округ Колумбия? Как это организовано и как оно работает с подопечными нации? Это наше первое исследование. Давайте ознакомимся с фактами, а затем сможем сформулировать свое мнение. В оставшемся отведенном мне месте я процитирую отчет Бюро муниципальных исследований в их исследовании Индийского бюро, опубликованный ими в сентябрьском номере за 1915 год, № 65, "Муниципальные исследования", Бродвей, 261, Нью-Йорк. Этот отчет так же хорош для нашего использования сегодня, как и тогда, когда он был впервые подготовлен, поскольку с тех пор в управлении делами Индии было внесено очень мало изменений, если вообще какие-либо были внесены.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

"Хотя этот отчет был напечатан для сведения членов Конгресса, он не был включен в отчет Объединенной комиссии Конгресса, по просьбе которой он был подготовлен, и не доступен для распространения".

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ СБОРНИК ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ДОГОВОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИЙСКИХ ФОНДОВ.

"Когда в 1913 году Комиссия Президента по экономике и эффективности провела расследование методов бухгалтерского учета и отчетности Индийского офиса, было обнаружено, что в нем отсутствовал свод положений законов и договоров с индейскими племенами, регулирующих индийские фонды и трастовые обязательства правительства. Поэтому был подготовлен такой сборник. Однако он не был завершен до тех пор, пока Конгресс не закрыл заседание 4 марта 1913 года. Затем, вместо того чтобы быть опубликованным, оно попало в "тайники" Министерства внутренних дел и Комиссии по государственной службе, где были упорядочены рабочие документы и неопубликованные отчеты комиссии. Сам сборник составил бы документ объемом около трехсот страниц".

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ПЛАН ОРГАНИЗАЦИИ.

"По приказу Президента комиссия в сотрудничестве с различными лицами, назначенными для этой работы, также с большим трудом подготовила полный анализ организации каждого

департамента, канцелярии и комиссии федерального правительства по состоянию на 1 июля 1912 года. Это представляло полную картину правительства в целом в кратких чертах; это также представляло точную картину каждого административного бюро, конторы и каждого оперативного или полевого отделения, и показывало его рабочие отношения с каждым из 500 000 офицеров и служащих на государственной службе. Отчет в машинописном виде был одним из рабочих документов, использованных при подготовке "бюджета", представленного президентом Тафтом Конгрессу в феврале 1913 года. Конгресс распорядился напечатать "бюджет", но расходы на него должны были быть покрыты за счет ассигнований президента. В этих ассигнованиях осталось недостаточно денег, чтобы гарантировать печатание отчета об организации. Следовательно, он тоже нашел покой в темном чулане".

СЛИШКОМ ОБЪЕМНЫЙ, ЧТОБЫ БЫТЬ ЧАСТЬЮ ЭТОЙ СЕРИИ.

"Только Конгресс мог бы принять необходимые меры для публикации этих материалов; документы слишком объемны, чтобы быть напечатанными в рамках этой серии, даже если бы было получено официальное разрешение. Однако вновь предлагается сделать эти данные легкодоступными для студентов, разместив в отделе рукописей Библиотеки Конгресса один экземпляр неопубликованных отчетов и рабочих документов Президентской комиссии по экономике и эффективности. Это действие было рекомендовано комиссией, но единственным принятым официальным действием было распоряжение о том, чтобы материалы были помещены под замок в Комиссию по государственной службе".

НЕОБХОДИМОСТЬ ОСОБОЙ ОСТОРОЖНОСТИ При ВЕДЕНИИ.

"Необходимость особой осторожности при управлении делами Индии заключается в том факте, что в теории права индеец не обладает правами гражданина. У него нет даже прав иностранного резидента. Индеец индивидуально не имеет доступа к судам; он не может индивидуально обращаться в административные и судебные органы государственной службы за соблюдением своих прав. Сам он считается подопечным Соединенных Штатов. Его имущество и фонды находятся в доверительном управлении. * * * Офис по делам Индии является правительственным учреждением, осуществляющим как опеку над индийцем, так и опеку над его имуществом".

УСЛОВИЯ, НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ДЛЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ПРИМЕНЕНИЯ.

"Правовой статус индейца и его собственности является условием, которое возлагает на правительство обязанность взять на себя обязанности защитника. Что представляет особый интерес в этом расследовании, так это отметить условия, при которых Индийскому офису приходилось вести свою деятельность. Ни в каких других отношениях агенты правительства не находятся в условиях, более неблагоприятных для эффективного управления. Влияние, способствующее нарушению опеки, хищению имущества и средств, нарушению физического и морального благополучия, было мощным. Возможности и стимулы гораздо больше тех, которые оказали разрушительное воздействие на другие отрасли государственной службы, а также на попечителей и должностных лиц наших крупных частных корпораций. Во многих случаях их целостность была нарушена".

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ НЕАДЕКВАТЕН.

" * * * За фиктивной защитой, которая действовала в основном без огласки, во все времена стояли огромные богатства в виде индийских фондов, которые подлежали подрыву; ценные земли, шахты, нефтяные месторождения и другие природные ресурсы, которые подлежали разграблению или присвоению в пользование торговцу; и большие прибыли, которые могли быть получены теми, кто имел дело с доверенными лицами, движимыми корыстными мотивами. Такова была ситуация, в которой индийская служба находилась более столетия — индеец в течение всего этого времени в большей или меньшей степени пренебрегал своими правами и имуществом; опекун, правительство, во многих случаях, были пассивны по отношению к условиям, которые способствовали его гибели ".

ВОЗМОЖНОСТИ ВСЕ ЕЩЕ СУЩЕСТВУЮТ.

"И все же, из-за растущей стоимости его оставшегося имущества, остается стимул к мошенничеству, коррупции и институциональной некомпетентности, почти недоступный пониманию. Имущество и фонды индийцев сегодня оцениваются не менее чем в тысячу миллионов долларов. По-прежнему необходимо выполнить большое обязательство, которое должно растянуться на многие годы. Само правительство задолжало много миллионов долларов за индийские денежные средства, которые оно конвертировало для собственного использования, и интересно отметить, что оно не знает, а должностные лица не знают, в каком нынешнем состоянии находятся индийские фонды, находящиеся у них на хранении ".

ПЕРВИЧНЫЕ ДЕФЕКТЫ.

"* * * История неумелого управления делами Индии - это лишь глава в истории неумелого управления корпоративными трастами. Индеец стал жертвой такого же пренебрежения, тех же неудачных процессов, тех же злоупотреблений, что и держатели полисов страхования жизни, банковские вкладчики, акционеры промышленных предприятий и транспортных компаний. Форма организации опеки была такой, которая не предусматривала независимого аудита и надзора. Институциональные методы и практика были таковы, что они не обеспечивают ни фактической основы для официального суждения, ни огласки фактов, которые, если бы были обнародованы, служили бы доказательством супружеской неверности. При функционировании этого механизма не было предусмотрено средств для эффективного официального контроля, и общественное сознание не могло быть затронуто ".

ЕСТЬ МНОЖЕСТВО ПРЕЦЕДЕНТОВ, КОТОРЫМ СЛЕДУЕТ СЛЕДОВАТЬ.

"Прецедентов, которым следует следовать, предостаточно. В частных корпоративных трастах, которыми плохо управляли, основание для апелляции было найдено только тогда, когда какое-то благоприятное обстоятельство выявило обстоятельства, настолько шокирующие, что заставили тех людей, которые обладали политической властью, в целях самозащиты потребовать тщательной реорганизации и пересмотра методов. Тот же мотив лежит в основе законодательства Индии. Но мотив для политических действий был менее эффективным по той причине, что в прошлом индейцы, действовавшие в целях самозащиты, были либо убиты, либо помещены в тюрьму. Весь правительственный механизм был настроен на подавление, а не на предоставление адекватных средств для справедливого обращения с большим населением, у которого не было политических прав". — Журнал "Эдикт".

*****

Эта книга должна быть в каждом доме

Древнеиндийские легенды

Семинол-авеню, 25, Форест-Хилл, Лос-Анджелес, Нью-Йорк,

25 августа 1919 года.

Уважаемый Зиткала-Са:

Благодарю вас за вашу книгу об индийских легендах. Я прочел их с огромным удовольствием. Как и все народные сказки, они отражают детскую жизнь в мире. В них есть нотка дикой, странной музыки.

Вы перевели их на наш язык таким образом, чтобы сохранить их живыми в сердцах людей. Они так молоды, так свежи, так полны запахов девственного леса, по которому не ступала нога белого человека! Мысли вашего народа кажутся окрашенными в цвета радуги, трепещущими от игры ветров, жуткими от трепета невидимого, но ощущаемого и внушающего страх мира духов.

Ваши рассказы о птицах, зверях, деревьях и духах не могут не пленить сердца всех детей. Они зажгут в их юных умах то вечное чудо, которое создает поэзию и сохраняет жизнь свежей и энергичной. Я желаю вам и вашей маленькой книжке индийских сказок всяческих успехов.

Я всегда

Искренне твой друг,

(Подпись) ХЕЛЕН КЕЛЛЕР.